

АННА
БЯЛКО

НА ТОВА НЕДЕЛЕ

КУПИТЬ САПОГИ
СПАСТИ СТРАНУ
ВЫЙТИ ЗАМУЖ



ИЗДАТЕЛЬСТВО

Анна Бялко

На той неделе: купить сапоги, спасти страну, выйти замуж

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139333

На той неделе: купить сапоги, спасти страну, выйти замуж: Октопус;

Москва; 2005

ISBN 5-94887-019-7

Аннотация

Жизнь течет, как река, и в этом течении проходят дни, недели и вся жизнь. А за неделю можно так много успеть!

События нескольких недель определяют судьбу героини – она встретила любовь, в стране произошёл переворот... И плавное течение превращается в бурный поток...

Содержание

Часть первая	6
1990	6
ВТОРНИК, 20 ноября	24
СРЕДА, 21 ноября	42
ЧЕТВЕРГ, 22 ноября	64
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Анна Бялко

На той неделе: купить сапоги, спасти страну, выйти замуж.

В данной ремарке (и только в ней) я выступаю как собственнo автор, а вовсе не как лирическая героиня – многие почему-то путают эти две мои ипостаси. Так вот, выступая как автор, и от его лица я хочу официально пояснить: любое сходство описанных выше персонажей с реально существующими людьми – случайно. Ну или почти случайно. Во всяком случае, не нарочно. Просто так получилось.

*Хорошо, что чужие воспоминанья
вмешиваются в твои. Хорошо, что
некоторые из этих фигур тебе
кажутся посторонними. Их присутствие намекает
на другие события, на другой вариант судьбы —
возможно, не лучший, но безусловно
тобою упущенный. Это освобождает -
не столько воображение, сколько память —
и надолго, если не навсегда. Узнать,
что тебя обманули, что совершенно
о тебе позабыли или – наоборот —
что тебя до сих пор ненавидят – крайне*

*неприятно. Но вообразить себя
центром даже невзрачного мироздания
непристойно и невыносимо.*

И. Бродский

Часть первая

Купить сапоги

*А жизнь такова, какова она есть, и больше –
никакова...*

Народная мудрость

1990
ПОНЕДЕЛЬНИК, 19 ноября

Утро. Мохнатая рыжая лапа нахально скребет подушку возле моего носа. Страшный сон? Ночной кошмар? Все гораздо хуже – это суровая реальность. И не нужно открывать глаза, чтобы понять, какая именно. И так все ясно. Это моя собака. Порода – коккер-спаниель, цвет – рыжий, кличка – Долина, Долли, Поганка-поди-сюда и еще что-нибудь поглубже, в зависимости от обстоятельств. Мерзавка (кличка текущего момента) требует внимания вообще и утренней прогулки в частности. Реальность неотвратима, как паровоз. Остается последнее средство. Может быть, если не открывать глаза и как следует, изо всех сил притвориться, что я сплю, меня тут нету, это не я... Но нет, не тут-то было. Поскребывание возле носа только усиливается, мало того – гадкая тварь

начинает скулить. Если сейчас не сдаться, через две секунды она начнет возмущенно лаять. Плавали, знаем. Ладно, все равно вставать. Открываю глаза под победный собачий визг. На часах без двадцати семь. И какого черта я каждый вечер завожу будильник, все равно собака будит меня за десять минут до звонка с упорством, достойным лучшего применения.

С трудом отрываю голову от подушки и принимаю сидячее положение. «Если вы сели, значит, наполовину встали», – учил нас когда-то командир в стройотряде, подымая в пять утра на сельхозработы. Спускаю ноги на пол – на них тут же с радостным лаем кидается собака, норовя укусить за пятку. Это у нее такая утренняя игра.

Отбив атаку на свои ноги, нашариваю тапки и плетусь в ванную. Лучшим средством проснуться для меня всегда был очень-очень горячий душ. Мерзкая псина скребется и верещит под дверью, сейчас Костьку разбудит, приходится впустить ее внутрь. Она тут же залезает передними лапами на край ванной, свешивая длинные лохматые уши внутрь, и, страшно довольная, начинает ловить языком струйки воды. И вот так у нас начинается каждое доброе утро.

Впрочем, сегодняшнее утро не кажется таким уж добрым. Когда, уже умывшись и проснувшись до полного раскрытия глаз, я подхожу в халате к кухонному окну, глазам моим открывается донельзя унылый пейзаж: панельный дом напротив, пара чахлах деревцов (или деревец?), помойка – и все это ровного серого цвета в сплошной мути медленно падаю-

щего полуснега-полудождя. Конец ноября, чего бы ты хотела в это время года в данной географической точке?

Сам пейзаж-то, собственно, ладно, я его каждый день наблюдаю, по солнышку он даже ничего, хоть, конечно, и не тихий центр, но можно было за год привыкнуть, но вот погода все-таки... Исключительно располагает к прогулке.

Впрочем, во всем есть свои плюсы. В такое дризло в семь утра заведомо на улице пусто, значит, можно надеть плащ прямо на халат и не возиться с переодеванием.

Так, ноги в резиновые боты, зонтик, поводок, платок на голову, пошли, что ли, псина. Видок у меня, наверное, тот еще... Ну и наплевать, кому надо – пусть любуются.

Собака, вырвавшись из подъезда, на крейсерской скорости рвет за угол – в помойку, ясное дело. Нажрется сейчас всякой дряни, будто дома ее не кормят. Догоняю, кричу. Паршивка смотрит на меня невинными глазами и, как ни в чем не бывало, сворачивает на привычный маршрут.

На самом деле, хотя в это, может быть, и трудно поверить, я люблю свои утренние прогулки с собакой, особенно если не надо спешить и в запасе имеется лишних десять минут. Они обычно бывают, ведь несмотря ни на что я все равно встаю раньше необходимого. Просто не люблю пороть горячку, а еще больше – опаздывать. А утренний променад отлично взбадривает, да и мысли на воздухе просыпаются быстрее.

Мы идем вокруг дома. Этот путь я могу пройти с закрытыми глазами – столько раз он хожен мною в компании со-

баки, или ребенка, или их обоих. До боли знакомые кусты, стоящие машины, бордюры, гаражи-»ракушки«, скамейки, пятна размытой глины на газонах и клочья чахлой травы, а также мусор и собачье дерьмо настолько неизменны в своем существовании, что...

Ой, мама, а время-то идет... Бегом домой, вдруг Костька проснулся там и ревет, пока я здесь разглагольствую сама с собой. Чего, главное, философствовать, толку с этого...

Нет, слава Богу, пока спит. Так, быстро, ставлю кастрюлю на плиту – варю вермишель с сыром. Сыра, кажется, небольшой кусок еще оставался. Последний. Вот съедим – придется потом долго и мучительно добывать новый. Чайник кипит – в темпе завариваю овсянку, кормлю собаку, и уже надо идти будить малыша.

Начинаю тормошить его, он такой хороший – еще сонный, теплый, в голубой пижамке в горошек, смешно зарывается под подушку и недовольно урчит. Жалко до ужаса, но время поджидает, выкапываю беднягу и начинаю одевать.

Сегодня у нас понедельник, значит, придет Димка, мой бывший муж, и Костьку никуда тащить не надо. Обед я вчера приготовила, нужно только одежды гуляльные собрать и разложить на видном месте, а то опять, как в прошлый раз, уйдут без шапки. Впрочем, какое уж гуляние по такой погоде.

Так, ребенок одет, завтрак готов, сажаю Костьку за стол, а сама бегу одеваться на выход. Димка всегда приходит в последнюю минуту, и это страшно действует мне на нервы, по-

тому что никогда нельзя быть уверенной, что он придет вообще. Пока такого вроде не случалось, но с моим бывшим мужем никогда не знаешь, что тебя ожидает даже в самом ближайшем будущем.

Тем временем Костыка съел вермишель. Наливаю чай и свой пью стоя, глядя в окно – не идет ли Димка. Наверное, я и вправду психопатка, ведь по большому счету без разницы, приду я в редакцию пятью минутами позже или раньше, я все равно там первая и все следующие полдня единственная, разве что автор какой вдруг забредет.

О, вот Димка появился в конце дорожки, слава Богу, и даже почти вовремя, можно будет объяснить ему, что где, не на бегу, а подробно. Всегда так беспокойно оставлять малыша с кем-то другим, хотя при моей суетной жизни это просто смешно. Хорошо еще, что не с чужими людьми оставляю, все-таки папа-бабушка-тетка – это вам не нянька в детском саду.

Бывший муж появляется в дверях (а ключ надо бы все же забрать у него), и после здраванья с Костыкой, моих суетливых указаний и его суровых напутствий вроде: «Ася, я должен уйти ровно в шесть», – а я в шесть только работать заканчиваю, ну да не объясняться же сейчас, только хуже, да и некогда уже, – я хватаю пальто, сумку, не глядя сую ноги в туфли и вылетаю за дверь.

Интересно, почему даже после пяти минут общения с бывшим мужем я чувствую себя на всю жизнь виноватой? И

в чем, собственно? Непонятно, но на душе уныло. Погода, впрочем, тоже не способствует радужному настроению, хорошо хоть до метро близко.

Процесс посадки в метро в час пик требует внимания и сосредоточенности, зато потом, удобно притиснувшись – повезло – к задней стенке вагона, можно на двадцать минут расслабиться и подумать о будущем.

Сегодня ребенок пристроен, завтра я сама дома, про среду мама что-то говорила, вот бы она еще и на четверг согласилась, можно было бы сходить в ФИАН¹, поделать свой диплом, а то на меня и так уже там косятся, что редко бываю. Это правда, хотя все нужные измерения я сделала еще летом, а чтобы обработать их на компьютере, таскаться в лабораторию необязательно, я это и в редакции могу отлично делать. Еще начальству бы все это объяснить... Ладно, про начальство потом, сейчас расписание на неделю. Что там осталось-то? Пятница, пятница... На три дня мать Костьку точно не возьмет, может, к ней – на четверг и пятницу, а в среду тогда как? Отвезти к тете Тане?

Димку на два дня в неделю тоже не упросить, лучше и не пытаться, разве к Тате, к свекрови, попробовать пристроить... Это можно, но она свободна только в пятницу, и тогда оставит его у себя и на субботу, а мы и так с ребенком почти не видимся. А с другой стороны – таскать малыша к тетке в Кунцево, оттуда к маме в Отрадное, а сейчас грипп

¹ ФИАН – Физический институт Академии наук

по Москве ходит... Короче, завтра – я, среда – тетя Таня или мама, четверг – мама (если согласится – ой!), пятница – или мама, или Тата (бывшая то есть свекровь), и звонить, таким образом, все равно надо всем троим. Ох, как же плохо жить без телефона, я спячу, честное слово, каждый звонок – проблема, никогда не знаешь, что тебя завтра ждет (или не ждет, соответственно).

Сначала позвоню маме, потом Тате, а тетя Таня вроде бы почти всегда свободна, ну в крайнем разе сама в четверг останусь дома, черт с ним, с ФИАНом, на той неделе схожу – там я всего два дня буду работать. Вот дьявольщина, еще же надо к метрологу в институт заехать, а она бывает только по вторникам, значит, завтра опять никак не смогу. Снова на той неделе что-то придется выкраивать. Ладно, до той еще дожить надо, пробирайся-ка лучше к двери, а то сомнут в толпе на пересадке. Сегодня я решаю ехать до работы с двумя пересадками на метро, так получается чуть быстрее, хотя и более противно. Если время позволяет, я выхожу из метро на «Октябрьской», не доезжая до «Ленинского проспекта», а там на троллейбусе до работы, до улицы Косыгина.

С работой мне, можно сказать, повезло. По знакомству удалось устроиться в редакцию крупного физического журнала. Он считается лучшим советским журналом в области физики, его вместе с приложениями издает Академия наук. Я, собственно, работаю в редакции одного из приложений. Должность моя гордо называется – младший редактор.

В мои обязанности входит открывать редакцию, сидеть там с девяти утра до шести вечера, разбирать почту, отвечать на телефонные звонки и принимать статьи у приходящих авторов. Статьи я регистрирую в амбарной книге и готовлю к рассмотрению на редколлегии, раскладывая их по тематическим папкам для рецензентов. Редколлегия бывает раз в неделю (наш журнал выходит дважды в месяц), после нее надо печатать рецензии на принятые статьи и вежливые отказы авторам отклоненных, а потом рассылать все это по почте. Сейчас, пока не закончила институт и работаю на полставки, заниматься всеми этими увлекательными делами мне доводится через день, но с февраля, после защиты диплома, придется работать по-настоящему, то есть каждый день, то есть всегда.

Работа нехитрая, но место очень хорошее: и перспектива есть – через пару лет могу до старшего редактора дорасти, и зарплата неплохая – даже на полставки сто рублей. Вместе с институтской стипендией нам с Костькой на все хватает. А с февраля, опять же, будет двести – большие деньги.

В редакцию я все-таки опаздываю минут на пять – попала в толпу на второй пересадке, поэтому, еще взясь с ключом в двери, слышу, как орет телефон. Это, конечно, заведующая меня проверяет, пришла ли.

– Здравсьте, Дина Сергевна, да, уже пришла, да, все в порядке, никого пока не было, да. Хорошо, всего доброго.

Звонит она всегда аккуратно в девять (и не лень ведь, та-

кую бы аккуратность да в мирных целях), хотя за полгода работы я ни разу не опоздала больше, чем на пять минут, и уж точно никого не подставила. Динина же пунктуальность исчерпывается утренней проверкой – сколько раз мне пришлось заговаривать зубы неожиданно нагрянувшему главному редактору: «Ну вот только что на две минуты вышла за фотографиями (рецензией, распечаткой), сейчас-сейчас подойдет», – а ее и на работе-то еще не было. Да черт с ней, она, наверное, не самое плохое начальство для небольшого бабского коллектива из пяти с половиной человек (половина – это я со своей полставкой). И просто счастье, что из всех пяти с половиной в этой комнате постоянно сидим только мы с Диной, остальные в соседней, там, где компьютеры, а Дины по полдня не бывает. Иногда и больше, но это уже как повезет, а полдня-то стабильно. За это время я в основном успеваю сделать текущие дела: разослать письма, напечатать, если нужно, рецензии, разобрать новую почту и пообщаться с авторами, которые почему-то имеют обыкновение приходить с утра. Так что, когда нет редколлегии, ей остается осмотреть все хозяйским взглядом, сделать мне указание (неважно, на что – для порядка) и спокойно пойти в соседнюю редакцию пить чай. У них там большое светское общество – десять человек, а начальница, наоборот, уходит рано.

Нет, вообще-то Дина неплохая тетка. Невредная. Даже за жизнь иногда милостиво со мной разговаривает. Личными проблемами делится. Фасоны свитеров обсуждает. Свитера

у нее действительно потрясающие – все время новые и все красивые. Говорит, ей знакомая вяжет, у тойде хобби такое, но я почему-то не верю. А у меня проблем в личной жизни якобы нет. Муж, ребенок, собака, институт. Квартира своя, живем без родителей. Почему-то противно было рассказывать, что я разведена, слишком тогда еще было свежо. Замужем и замужем. И еще ребенок. И сразу никому неинтересно.

Забавно, что почти все редакционные дамы – что наши, что соседние – безмужни и бездетны. Просто как на подбор. Исключения – это я и Катя, одна из наборщиц на компьютере. Мы обе помоложе: мне двадцать три, Кате лет двадцать шесть, все остальные тетки – в районе сорока пяти плюс-минус. Замужем, может, кто и был, но детей нет ни у одной. Поэтому детско-семейные темы в разговорах не приветствуются.

Между прочим, чего ж я сижу? Пока можно, благо одна, надо скорей звонить про Костьку, а то сейчас все поуходят из дому, а потом Дина придет, при ней особенно не поговоришь, придется вечером бегать звонить из автомата – то еще удовольствие.

Результаты переговоров оказались вполне утешительны: мама неожиданно легко согласилась на четверг и пятницу. Даже не вспомнила, что я в четверг не работаю. Схожу наконец к научному руководителю, пусть порадует. Более того, в среду вечером мама встречается с теткой и, если Костька будет там, сможет его забрать без моего участия. Значит,

судьба малыша на эту неделю решена, отвезу его в Кунцево, причем лучше даже не в среду с утра, а завтра вечером. Все-таки два раза в день ему мотаться тяжело. А в пятницу после работы заберу от мамы. Надо постараться успеть сделать побольше за эти дни, раз уж так повезло.

Кому, впрочем, повезло? То еще везение, если вдумать-ся. Ребенок опять целую неделю будет болтаться по всей Москве, а в метро грипп. И даже если на этот раз обойдется, все равно радости мало. Ни дома, ни режима, сплошной балаган. И опять все добрые родственники будут объяснять мне, какой он хороший мальчик и как ему все это бесполезно. И смотреть укоризненно. Можно подумать, я это все нарочно придумала.

Как будто и работа, и диплом служат мне исключительно для развлечения. Чтобы с ребенком не сидеть. А каким, интересно, образом мы с Костькой жили бы на шестьдесят пять рублей моей хоть и повышенной, но все равно стипендии? А если бы я трояк в сессию получила, их было бы вообще пятьдесят. В прошлом году, впрочем, нам приходилось обходиться только стипендией, я тогда еще не работала, так, крутилась от случая к случаю. Жить в принципе получалось, но, как в том анекдоте, хреновохреново. То подработаешь где-то, то удавалось перепродать что-нибудь – фарцануть, то еще что, а квартплата – тридцать четыре рубля семьдесят две копейки, и Костька маленький, его кормить надо нормально – мясо, фрукты-овощи, да и растет он быстро. Одежек дет-

ских, впрочем, в магазинах не купишь все равно, тут нас выручает свекровь, у нее подруга в Америке живет – присылает, поэтому Костька одет как картинка, даже жалко на улицу в этом ходить. Выбора, правда, нет.

Никаких алиментов с Димки я никогда не получала, даже и не подавала на них при разводе. Мы по-джентльменски договорились: будут деньги – он мне даст, а у него своя стипендия, аспирантская, девяносто, и он еще какое-то жилье снимает, это рублей пятьдесят, уж не меньше. Так я никаких денег от него пока и не видела. А просить мне не хочется, что я, своего ребенка не прокормлю?

Кстати, о прокорме, время к обеду, не вылезти ли пробежаться по окрестным магазинам... Может быть, удастся купить еды какой-нибудь, было бы неплохо. В магазинах что-то съедобное, кроме хлеба-молока, бывает только днем, после пяти вечера уже ничего не найти.

Вылазка увенчалась частичным успехом. В кулинарии, правда, азу кончилось как раз передо мной, а больше ничего там брать нельзя, в фарш они еще неизвестно, что кладут, да и гуляш какой-то сомнительный. Зато в нашей столовой были сосиски на второе, как раз дежурила тетя Маша, она добрая, в отличие от своей сменщицы, и продала мне тихонько полкило на вынос, хотя так делать не положено. Это большая удача, сосисок нигде не бывает, а если вдруг встретишь, то все равно очередь часа на два, мне в жизни столько не отстоять. Костька их любит, готовить их не надо, суну в моро-

зилку, хватит на две недели, если самой не есть. Теперь добыть где-нибудь сметаны, и сыра бы неплохо, но это сегодня уже не успеть, сейчас Дина явится, так что завтра с Костькой пойдем с утра в поход в универсам.

Остаток рабочего дня проходит мирно и невыразительно. Около пяти начальница отбывает, очень здорово, я теперь тоже уйду пораньше, а проверить она не сможет, так как до шести домой не доберется. Ура, теперь хоть с Димкой не выяснять, почему опоздала. Определенно удачный день был, хоть и начался с плохой погоды.

А погода к вечеру ничуть не лучше. Опять полуснегполу-дождь, под ногами сплошные лужи, ноги тут же промокли. Надела, дура, с утра в спешке туфли, не успела подумать. И вообще надо переходить на зимнюю форму одежды, сейчас еще только заболеть не хватает.

Снова толпа в метро, набитый поезд, пересадка, опять набитый поезд, ура, впихнулась, теперь доеду, двадцать минут душной тесноты, все. Станция «Южная». Приехали. И времени всего-то шесть десять.

Я открываю дверь, и на меня тут же налетает детскособачий кричащий и тьявкающий ком, собака тычется носом, Костька хватает за руку и что-то возбужденно быстро-быстро рассказывает, в суматохе удастся разобрать только слова «коляска» и «украсть». Неужели коляску сперли – нет, вот она, стоит себе грязная-прегрязная посреди прихожей, и лужа под ней даже уже просохла. Из комнаты появляется Дим-

ка, мелкота переключается на него: «Папа, ну скажи ей!» Я раздеваюсь, мою руки, разбираю сумку и в процессе слушаю.

История следующая. Днем дождь поутих, решили пойти погулять. Собаку не взяли, Димка никогда ее не берет. Гулять одновременно с ребенком и с собакой – возни не оберешься, на такое только я способна. Зашли в соседний двор, он чище нашего, и там есть качели. Коляску оставили у входа во двор, Костька залез на эти качели, Димка читал себе что-то, стоя рядом, и вдруг Костя как закричит:

– Ой, коляска, коляска!

А там какой-то мужик, схватив нашу коляску в охапку, быстро-быстро идет к подъездам соседнего дома. Димка побежал за ним, тот бросил добычу, а сам удрал. Гулять после этого расхотелось, вернулись домой.

Костька страшно собой гордится, и есть чем – спас свой экипаж. Без коляски нам просто хоть пропадай, малыш далеко ходить не может, ему даже трех лет пока нет, а если еще в магазин пойти да купить там что-нибудь тяжелое, картошку вот, например? Так что коляске сильно достается – только она нас и спасает. Если бы ее сперли – беда. Другой теперь не купить, даже не говоря о деньгах. Нам эту-то в свое время достали по сильному благу. Главное, она такая заслуженная – и грязная, и детали местами отваливаются, – кто на нее польстился-то... И вообще, это же кем надо быть – коляску у ребенка украсть...

Под все эти обсуждения я успеваю сварить гречневую ка-

шу, мы садимся ужинать, и Димка с нами. Мысль о том, что ровно в шесть надо непременно уходить, как-то незаметно его оставила. Мне не жалко, с ним даже веселее, но вот чего было мне утром на мозги-то капать?

Ужинаем, пьем чай, потом он начинает собираться и даже милостиво соглашается прогулять собаку, ему все равно, а мне лишний раз под дождь не выходить. Довольно грустно, что он уходит, ну куда ему идти под дождем, да и нам с Костькой опять одним оставаться... После развода наши отношения стали гораздо лучше, мы с интересом общаемся, ухитряясь не орать друг на друга после каждого второго слова, как было до того. Хотя если думать обо всем этом всерьез, я все-таки не стала бы начинать сначала, так что пусть уж лучше идет домой, или где он там себе живет...

Мы учились в институте в одной группе, поженились очень рано, в середине второго курса, как только по восемнадцать исполнилось. Будучи молодыми и глупыми, ссориться начали довольно быстро, а через два года родился Костька, жизнь стала сложнее, и ссоры переросли в непрерывную ругань. В худшие времена мы и десяти минут не могли поговорить спокойно, не срываясь на крик.

Отсидев год в академическом отпуске, я снова вышла учиться, а вскоре после этого мы уехали от свекрови, где жили, в эту квартиру. За все это время было наговорено столько взаимных гадостей, что и думать о мире было трудно. Даже в минуты затишья я все время ожидала начала очеред-

ного скандала... Казалось, что от постоянного напряжения я начинаю сходить с ума. В какой-то момент после очередной громкой ссоры я решила, что уж лучше нам жить врозь – нервы целее будут, и Костьке полезнее видеть папу с мамой по отдельности, но спокойных, чем вместе и в истерике. Пospорив со мной какое-то время, Димка снял у знакомых квартиру и переехал туда, а еще через год мы тихо развелись...

В квартиру кубарем врывается мокрая псина, мне удастся перехватить ее на входе в комнату и загнать в ванную, где я вытираю ей лапы. Димка в это время уходит окончательно, не прощаясь, и мы остаемся с ребенком вдвоем (или втроем – если считать собаку).

Костька опять – в который уже раз – излагает историю спасения коляски, а потом мы договариваемся идти прибирать игрушки, которые валяются по всей квартире. В процессе приборки мы начинаем строить большой-большой дом из кубиков, потом рушим его, потом строим поезд и сажаем туда зверей. Вдруг Костька вспоминает, что он нашел сегодня новую – нечитанную еще – книжку, и мы идем читать ее в большой комнате на диване. Уборка игрушек снова отложена до лучших времен, хотя не только детская, но и моя комната уже основательно ими засорена.

В нашей квартире две комнаты, кухня и большая прихожая. В кухне, по негласной, но всеми признаваемой конвенции, я хозяйствую полноправно. Там категорически запре-

щается проводить детско-собачьи бои и устраивать свалки из игрушек, потому что я боюсь однажды споткнуться и опрокинуть на кого-нибудь горячую кастрюлю. В прихожей живет собака, тут лежит ее тюфячок, на который она уходит по команде «место». Одна комната, поменьше – Костькино царство, там стоят его кровать и большой одежный шкаф, а все остальное пространство застелено разными ковриками и отведено под детские игры. Как правило, оно бывает покрыто ровным слоем игрушек. Большая комната теперь моя, а раньше мы делили ее с Димкой. Она вытянута в длину, в ней стоят две кровати, которые днем служат диванами, большой книжный шкаф, письменный стол и моя дизайнерская гордость – стеллаж, разгораживающий комнату на две части: спальную и рабочую. Стеллаж этот мы с Димкой сперли когда-то, еще живя у свекрови, из тамошнего пункта охраны порядка. Там, правда, он работал книжным шкафом. Сперва мы тоже использовали его в этом качестве, но после переезда сюда я отодрала от шкафа заднюю стенку и поставила остальное не вдоль стены, а поперек комнаты. Мебели у нас вообще немного, вся она не новая и куплена в основном по комиссионкам. Но все необходимое есть, и еще остается много места для игр, возни и разбрасывания игрушек. Вообще-то я не приветствую все это в большой комнате, но, когда Костька остается с отцом, бастионы из кубиков почему-то возводятся и в ней тоже. В девять, когда я начну стелить малышу постель, я еще не раз споткнусь обо все эти кубики,

поминая их незлым тихим словом.

Но вот Костыка уложен, я ему рассказала предсонную сказку, принесла попить, зажгла ночник, подоткнула одеяло – весь строгий ритуал соблюден, дитя засыпает, а я наконец остаюсь сама с собой.

Меня ждет работа – должен же кто-то писать мой диплом. Кроме меня, увы, сделать это некому, так что я сажусь к столу, достаю свои тетради и листы и зарываюсь в них. Какая-то – к сожалению, не очень большая – часть уже написана, но до конца работы далеко, а время все идет, сдать диплом в учебную часть надо уже в середине декабря, защита должна состояться в конце января, а я еще даже не знаю наверняка, совпадают ли результаты эксперимента с теорией. Добиться этой истины от моего руководителя – задача не из легких, я почти месяц безрезультатно этим занимаюсь.

Сегодня, если удастся, закончу писать теоретическое обоснование нашей работы – та еще теория, ха-ха, я сама ее придумала, после того как шеф окончательно отказался дать хотя бы посмотреть на свою.

Около часа ночи я подымаю полуослепшие глазки, встряхиваюсь и плетусь стелить постель. А спустя десять минут, вернувшись из ванной, нахожу там собаку. Приходится гнать с позором. Нечего! Имею право спать одна в своей кровати, чем и буду заниматься ближайшие семь часов, если ничего не случится.

ВТОРНИК, 20 ноября

Сегодня никуда по делам идти не надо, самое оно – утром поспать. Но Костька почему-то просыпается рано, будит собаку (а может, это собака первая проснулась, кто их теперь разберет), оба они заявляются в мою комнату и залезают в мою кровать. Приоткрываю глаз, смотрю на часы – так и есть, без десяти семь. Проклятье! Закрываю глаз обратно, сую голову под подушку и сплю дальше изо всех сил. Непродолжительное время мелкотня сидит тихо, слегка только перепахиваясь за место у меня под мышкой, но скоро эта возня перерастает в драку на моей спине. Если кто думает, что собаки не умеют драться, так нет! Умеют. И лапы у них при этом когтистые. А спихнуть собаку с дивана одной ногой, не просыпаясь, очень трудно. Мне, например, никогда не удалось, она сразу становится тяжелой-тяжелой и как будто прилипает к месту. Ребенок тут же радостно хихикает в ухо. Нет, ничего не попишешь, пора вставать.

Ташу Костьку одеваться, а псина в это время изо всех сил старается наступить мне на ноги. В душ они прутся со мной оба и опять устраивают драчку, пока я прихожу в себя под струей горячей воды.

Погода сегодня ничем не отличается от вчерашней, разве что соотношение дождя и снега слегка изменилось в пользу последнего. После долгих переговоров Костька отпускает

меня одну погулять с собакой за дополнительную сосиску на завтрак. Ставлю на плиту полный чайник – как раз вскипит до моего прихода, быстро одеваюсь и выхожу.

Ввиду общей природной мерзости мы с собакой, не сговариваясь, пробегаем маршрут на рысях, но все равно успеваем обе промокнуть. Входя в квартиру, слышу, как на плите надывается чайник, бегу на кухню, сбросив только сапоги, и, конечно, упускаю животное из виду. Оно, не теряя времени, прыгает на диван и начинает кататься по нему, вытирая спину. Слов у меня нет.

Бесполезно. Ладно хоть не на мою, еще не убранную, постель.

Варю Костьке сосиски, разогреваю вчерашнюю кашу, завариваю овсянку для собаки. Завтрак готов. На собаку я сердита, и Костька уговаривает меня простить негодайки: «Ну, Ася, ну что тебе, ну будет диван еще чуть-чуть грязнее, какая разница, прости уж ее». Он зовет меня Асей с тех пор, как начал говорить, и мне это ужасно нравится, получается, что мы с ним общаемся как будто на равных. Да что как будто, так оно, в общем-то, и есть. Для своих неполных трех лет мой сын очень взрослый и рассудительный, он уже и читать умеет. Недавно в троллейбусе сердобольная бабуля посадила его к окошку, а он начал читать ей вслух вывески. Старушка чуть с сиденья не упала.

После завтрака быстренько мою посуду, в том же темпе убираю постели, а сама в это время думаю, стоит ли начи-

нать уборку, или уж черт с ней. Ее ж если начать, как минимум час провозишься, а в магазин чем раньше придешь, тем больше шансов что-то купить. В конце концов я нахожу компромиссное решение – убираться, так и быть, не буду, лучше за это сегодня постираю. Стирки тоже полно набралось.

Замачиваю в ванне белье и начинаю собирать сумки в магазин. Так, большая сумка, в нее пакет, и еще пакет, и вот два постиранных висят (до чего ненавижу стирать полиэтиленовые пакетики, а куда деваться), и сумку поменьше, и бутылку для постного масла, и для нее еще отдельный пакетик, и корзинку для яиц. Яиц, я знаю, все равно не будет, они с лета в магазинах практически исчезли, летом в них кто-то обнаружил сальмонеллу, и яйца были объявлены вредным для населения продуктом. Их можно теперь найти на рынке по три рубля, и то только в субботу с утра. Месяц назад соседка тетя Нина втравила меня в яичную очередь в нашем универсаме, мы отдавались там, сменяя друг друга, три часа и урвали аж не по два (как положено по количеству визиток), а по три десятка девяностокопеечных яиц, но больше эти развлечения не для меня. Я эти яйца потом есть не могла, как вспомню про очередь, так тошнит. Впрочем, с тех пор яиц в магазине и не было.

Нет, не возьму корзинку, только тащить зря. А вот авоську еще возьму, мало ли, может чего замечательного укуплю. Кстати, чего вообще надо-то? Так, хлеб, молоко, понятно, и сметана, и сыр, и мясо, масла вроде было еще полпачки

в морозилке, и... Да ладно, размечталась тут, сыру ей, чего будет, то и купим.

Одеваю Костьку в комбинезон, в процессе уговаривая его идти в магазин, а не гулять. Он, как любой мужик, терпеть этого дела не может, и, что касается нашего универсама, я его очень понимаю. А что поделаешь? Быстро собираюсь сама, надевая старое синее стеганое пальто из чего-то непромокаемого типа болоньи, – оно замызганное, но теплое, а в магазин в самый раз, толкаться там. На ноги, ничего не поделаешь, резиновые сапоги – не люблю я их, висят на ногах, как гири, да по такой погоде больше нечего.

Мы почти вышли, но тут собака подымает такой жалобный скулеж и вой, что я не выдерживаю и беру ее с собой. И ведь понимаю, что зря, что только мешаться будет, а все же... Надеваю ей ошейник с поводком, ладно, пошли.

Наш общий выход на улицу – это нечто. Тут основная трудность – катастрофическая нехватка рук. Одной я волоку коляску, другой Костьку и собаку, еще какой-то – сумки, а псина при этом скачет вокруг, опутывая всех поводком. Из подъезда ведут три тугие двери с замками, очередной рукой все их надо каким-то образом открывать, я проклинаю все, но чудом нам удается вырваться наружу.

Лучше б мы этого не делали. В лицо сразу ударяет снег с дождем (или дождь со снегом). Наш двор устроен таким образом, что в какую бы сторону ни повернуться, ветер дует всегда в лицо. Прямо чудо природы в стекле и бетоне, чест-

ное слово. Усаживаю в коляску малыша, надеваю и туго за-
вязываю ему капюшон, подымаю у коляски крышу – вроде
ничего, не должно продувать.

Запихиваю сумки под коляску, там внизу такая корзин-
ка-поддон, я зову ее «багажник», цепляю поводок к колясоч-
ной ручке – все, двинули.

Дорога к универсаму лежит через большой, раскисший
от дождей пустырь. Коляска тут же начинает скользить и за-
стревать в мокрой глине, собака перемазалась как я не знаю
что, да я и сама ничуть не лучше. Из нас всех только Костька
сохранил нормальный вид и бодрость духа. Он, не переста-
вая, засыпает меня вопросами обо всем, что видит по пути.
Одно меня во всем этом радует – ветер в спину.

В универсаме, привязав собаку и коляску у входа (силь-
но надеясь, что уж на таких-то грязных никто не должен по-
льститься), осматриваюсь и оцениваю обстановку. Так, в мо-
лочном отделе народа нет – значит, и покупать нечего, в ба-
калее стоят три человека, а вот около мясных прилавков клу-
бится толпа. Стало быть, сегодня есть мясо.

Надо пойти, занять очередь, а потом разбираться со всем
остальным. Встаем, занимаем. Мясо, по слухам, сегодня
приличное, мне-то с моего места в хвосте совсем ничего не
видно.

Процесс раздачи мяса населению происходит так: при-
мерно раз в двадцать минут из глубин подсобных цехов мед-
ленно выплывает здоровенная бабища с тележкой. В тележ-

ке навалены куски мяса, обернутые наскоро в мокрый целлофан. Баба подходит к прилавку, который представляет собой металлический ящик грязно-серого цвета метра два длиной. По другую сторону прилавка стоит замершая в ожидании очередь. Четкими, отработанными движениями баба начинает швырять мясо в ящик. Очередь тут же превращается в толпу, люди устремляются за добычей, вокруг прилавка образуется гудящая куча мала, посреди которой в скользком пространстве ящика беспорядочно мелькают руки, куски мяса, обрывки целлофана. Первые счастливы, прижав добычу к груди, выбирают из толпы, на их место к лотку рвутся новые. Все это сопровождается криками: «По два кило в одни руки!», «Я здесь занимала, пустите!», «Не пускайте его!», «Куда ж вы третий кусок-то берете?!», «Граждане, да дайте выйти», – и прочими в том же духе. Опорожнив тележку, продавщица вновь скрывается в проходе, лоток пустеет, очередь постепенно затихает и упорядочивается до следующего раза.

По моей оценке, нам с Костькой стоять примерно три итерации. Это час. При этом совершенно не факт, что достанется мясо, а не, например, кость, в этой давке разбираться некогда, схватил – и отваливай. Велю Костьке стоять смирно и караулить место, а сама иду вдоль очереди к началу посмотреть, как и чего, размышляя по пути, не плюнуть ли вообще на все это – мясо мясом, но ребенка жалко, да и себя как-то тоже.

Как раз когда я дохожу до прилавка, случается очередной выброс. Отступаю чуть в сторону, чтоб не затянуло в кучу. Вдруг из толпы около меня выдирается старушка в сбившемся набок платке, прижимающая к себе два куска мяса. Слегка отдышавшись, она осматривает добычу, выбирает кусок получше и прячет в сумку, а потом замирает на миг в растерянности, держа второй в руке. Известно, что больше двух килограммов мяса в касе все равно не пробьют, а куски килограмма на полтора каждый. Меня внезапно осеняет, я шагаю к ней и негромко спрашиваю:

– Лишнего кусочка не будет?

Старушка с некоторым сожалением отдает мне кусок, подхватывает сумку и уходит.

Еще не осознав своей удачи до конца, бегу за Костькой. Малыш так и стоит там, где я его оставила, прижавшись к краю прилавка, его почти не видно из-за людей. Костька очень послушный ребенок, с ним так легко, другой взял бы, да и удрал отсюда куда подальше, а он – никогда. Мы уже отошли довольно далеко, и тут я понимаю, что так и держу в руке кусок мяса. Дай хоть посмотрю, что мне досталось-то. И очень, между прочим, пристойный кусок, край, тут и на котлеты хватит, и суп сварить. Повезло. Засовываю мясо в пакет, кладу в сумку, и мы идем дальше.

Дальше молочный отдел, там все понятно – ничего, кроме молока, нет. Извлекаю из клетки-стеллажа мокрый пакет, смотрю на число. Вчерашнее. Значит, возьму только один,

этот не скис бы. Нет, стоп, Костыка ведь сегодня уедет надолго, тут и одного-то много, я молока не пью. Все равно возьму, испеку на нем оладьи или в крайнем случае собаке скормлю.

С хлебом тоже очень просто – батон за двадцать пять и половина черного. Рядом с хлебным прилавком стоит автомат для разлива постного масла. Обычно он не работает, но сейчас там мужик цедит в бутылку масло. Бутылка у меня есть, мелочь тоже найдется, взять масла, что ли? Нет, подожду, схожу сперва в бакалею, может, там сегодня фасованное дают, не люблю я автоматы, всегда с ними что-нибудь да не так выйдет.

Никакого масла в бакалее нет, зато есть мука. Беру тут же два двухкилограммовых пакета, пусть будет, Новый год скоро, пироги испеку. Еще пачку вермишели, дома уже кончается, и, вдохновленная мыслью о пирогах, иду в овощной отдел. Там тоже народа не много, человек пять, и я выбираю симпатичный кочан капусты, оборвав с него несколько жухлых верхних листьев.

Напоследок иду все-таки к автомату. С виду мирный, может, обойдется. Аккуратно устанавливаю бутылку, отсчитываю монетки, кидаю в щель. Ничего. Жму кнопку. Ничего. Читаю на всякий случай инструкцию, жму опять. Ничего. Вот так ведь я и знала. Оставлять автомату полтинник за просто так очень обидно. Бью с досады кулаком по панели, из автомата вырывается густая струя масла, ударяет в горлышко бутылки, брызги летят во все стороны, в том числе и на

мое пальто. По нему тут же расползаются жирные вонючие пятна. Сто раз я была права в своей нелюбви к автоматизации и технике, и тысячу раз права, надевая в магазин старое пальто. Ведь эти пятна не отстирать теперь никогда. Будь я в приличном пальто, оно бы погибло, а старое все же не так жалко.

Очередь в кассу, на этот раз небольшая, выход, собака страшно нам рада, прыгает на меня, оставляя на злосчастном пальто следы грязных лап, да уж теперь все равно. Сажая Костьку в коляску, распихиваю покупки туда-сюда, и все равно в руках приходится тащить две тяжелые сумки.

Мы направляемся домой, и я очень быстро осознаю, что дорога в магазин была по сравнению с обратной просто легкой прогулкой. Потяжелевшая коляска ехать не желает вообще, ветер-дождь-снег бьет теперь прямо в лицо, сдувая с головы шапку. Костьке на этот раз тоже достается от стихий, и он жалобно хнычет, что замерз и хочет домой. Я, как всегда, забыла варежки, и руки мгновенно заоченели. Тяжелая сумка бьет по ногам, кажется, в ней протекло чертово масло. Все вместе сливается в один сплошной кошмар.

В какой то момент, примерно на полдороге, я внезапно понимаю, что больше так не могу. Ну что это в конце концов такое, ну за что мне все это, какого дьявола я таскаюсь с ребенком и с этой собакой, будь она неладна, по идиотским магазинам, тягаю тяжеленные сумки, почему, когда надо, то помочь некому, и вообще. Я почти готова в отчаянии разре-

веться, но мысль о том, что слезы вытирать будет нечем – все руки заняты, меня останавливает и даже смешит.

– Вот, дожила, дура, даже слезы вытереть не можешь, так тебе и надо, – говорю я сама себе вслух и налегаю на коляску всем телом.

Она потихоньку сдвигается, ну что ж, поехали дальше.

Добравшись в конце концов до дома и кое-как справившись с сумками, коляской, тремя дверями в подъезде, кнопками в лифте и замком в двери квартиры, я, не раздеваясь, в сапогах (да черт с ним, с полом, вытру потом) захожу в ванную, подставляю руки под струю горячей воды, сажусь на край ванны и сижу так, пока не чувствую, что снова могу владеть верхними конечностями до последнего пальца.

Горячая вода свое дело делает, пальцы вновь шевелятся, я вытираю руки и иду снимать сапоги, раздеваться, раздевать Костьку. Распихиваю мокрые одежки по батареям, потом тащу сумки на кухню. Вдруг понимаю, что собаки нет в квартире, выбегаю в испуге за дверь – о Господи, я ее забыла на площадке около лифта! Там она и сидит, бедняга, с озадаченным видом. Мне совестно, но вообще-то даже удачно получилось, все-таки в дом попало раза в два меньше грязи. Тащу псину за ошейник в ванную, а там еще белье это замоченное, и не вымыть ее как следует, кое-как обтираю тряпкой лапы и бока. Возмущенное животное убегает, отряхиваясь, я опять мою руки и начинаю разбирать добычу. Да нет, удачно вообще-то сходили, вот и муки купили, и масла пост-

ного, и мяса. Кусок при внимательном изучении нравится мне еще больше. Я разглядываю его, прикидывая и бормоча себе под нос: «Вот эту часть можно потушить, из этой – котлеты, из кости сварю суп...» В кухню врывается испуганный ребенок.

– Ася, ты что, с ума сошла? Не надо из меня суп! Ты же мясо купила!

Отхохотавшись, продолжаю осмотр. Нет, суп все равно сварю, а мясо, что на кости, проверну и сделаю запеканку. Или макароны по-флотски. И готовить проще, и Костька любит.

Так, а сегодня-то что мы будем есть? Вчера они с Димкой весь обед доели, и очень жаль: завтра Костьки не будет, я тоже обедаю не дома, а готовить на один день как-то нелепо. Кажется, в морозилке была куриная нога, сейчас сварю, будет и первое, и второе, только б мы ее раньше не съели. Нет, вот она. Ставлю вариться, пора уже, полдвенадцатого. Начинаю чистить морковь и лук для супа, картошку на второе. Со стиркой сейчас уже не успеть, постираю, пока маленький спать будет.

Ребенок в это время построил у себя в комнате поезд и зовет меня посмотреть. Мы с ним немножко играем, потом идем обедать. Спрашиваю Костьку, как он насчет после сна поехать к тете Тане, он не против, привык всюду ездить, и тут я с ужасом вспоминаю, что напрочь забыла перезвонить сегодня тетке еще раз, подтвердить наш приезд. Делать нече-

го, придется ехать наудачу, разве что попробовать из метро перед выездом звякнуть. И то, ну как тут еще про звонки помнить после сегодняшних развлечений в чистом поле. Ну ничего, тетя редко уходит из дома, да еще в такую погоду, и потом – я с ней все-таки вчера договаривалась.

Загоняю Константина спать, наливаю себе чашку чая – собираюсь с силами перед стиркой. Моя «Эврика-полуавтомат» – хорошая машина, но все равно от нее далеко не отойдешь: то слить воду, то залить, то белье вытащить. Заканчиваю я примерно за полчаса, как Костьке проснуться, развешиваю белье, бреду к себе в комнату и падаю на диван, привалившись спиной к стенке. Поясница предательски ноет, засовываю под нее подушку и замираю. Собака, запрыгнув на диван, подползает и сует морду мне под локоть. Я тихо чешу ее за ухом, хорошая все-таки вещь собака, любит тебя ни за что – и молчит. Так мы и сидим, пока проснувшийся Костька не начинает подавать голос из своей комнаты.

Времени – начало четвертого, долго рассиживаться некогда, а то в метро час пик начнется, не протолкнешься. Надо собрать Костьке одежки с собой, едет он на – среда, четверг, пятница – на три дня, так, пижамка, трусы-майки, колготки на нем и еще одни, вдруг ноги где промочит, еще один свитер на всякий случай, ну еще джинсы, вроде все. Нет, не все, еще обязательно тапочки, вечно я их забываю. На него надену комбинезон, по такой погоде в самый раз, даже и похолодает – не страшно. Складываю всю кучу в пакет, Костька просит

взять еще пару его машинок, кладу их туда же, готово.

Дождик на улице перестал, даже, по-моему, начало подмораживать. Мы быстренько добегаем до метро, садимся в полупустой вагон. Ехать нам с пересадкой больше часа. Я развлекаю Костьку, по-разному переиначивая названия станций: «Чертановская» – У-черта-на куличках, «Нагорная» – На-горе, «Нагатинская» – На-дороге-через-гать. Не через гать, собственно, а через болото, гать – это сама дорога и есть, но так короче и смешнее. Мы любим эту игру – играть в нее приходится частенько.

После пересадки в центре до «Кунцево» поезд идет в основном по улице, и Костька просто смотрит в окно. Когда мы выходим из метро, на улице уже сумерки и яснее ощущается легкий морозец. Может, зима уж начнется. Хотя вряд ли, рановато для зимы.

Тетя моя живет близко от метро, в старом кирпичном доме без лифта. Мы поднимаемся по лестнице на третий этаж. Ох, ведь я опять забыла позвонить, вот будет номер, если ее все-таки не окажется дома. Но тут из-за двери раздается шорох шагов, нам открывают. Ура!

Моя тетя Таня низенькая, круглая, добрая. Всю жизнь она проработала учительницей начальных классов, сейчас на пенсии. Жизнь ее сложилась как-то очень несчастливо. С мужем развелась еще в молодости, единственный сын погиб, не дожив до тридцати лет, сама она долго и тяжело болела. Они с бабушкой, тетиной и маминой мамой, жили здесь вдвоем,

пока два года назад бабушка не умерла. Теперь тетя Таня живет в этой квартире одна. Она молодец, несмотря ни на что, всегда бодрая, всегда занята чем-то хозяйственно-производительным. Каждое лето она обеспечивает всех нас вареньями, компотами и соленьями на любой вкус. У нее на кухне постоянно что-нибудь варится, парится, тушится, а тетя Таня ходит в переднике с ложкой в руке и приговаривает: «Вот, попробуй, это я по новому рецепту готовлю».

И сейчас она открывает нам дверь, а из кухни слышится шипение чего-то убежавшего.

Я раздеваю Костьку, тетя тут же со словами: «Идем, Костя, я тебе сейчас дам одну замечательную книжку», – уводит его в комнату. Мне не хочется оставаться здесь надолго, у меня есть некоторые планы на этот вечер, поэтому, не раздеваясь, а только вытерев ноги, я прохожу за ними, чтобы показать привезенные одежды. Тетя Таня предлагает мне чаю, пирога, супа, но я ото всего отказываюсь, не соблазняясь даже на знаменитые теткины соленые огурцы, и, сославшись на кучу дел, прощаюсь.

Вообще-то никакой кучи дел у меня нет, то есть в принципе есть, но не прямо сейчас.

Сейчас-то как раз делать почти нечего. По-хорошему, надо было бы от тетки позвонить, но из каких-то дурацких предубеждений я этого не сделала, вот и буду сейчас мучиться с автоматами.

Позвонить мне надо... М-м-м... Этому своему, ну как

его... В общем, хахалю. Не люблю я этого слова, но сейчас, слегка мучаясь совестью, я себя ощущаю именно так: ребенка спланила, а сама, крадучись, тайком, идет звонить из автомата, сказать, что вечер свободный. Кому звонить? Ясно, хахалю.

Исправный автомат удастся найти с третьей попытки. Из двух предыдущих один вообще не гудел, а другой нагло сожрал мою двушку и отключился. Двушка, между прочим, у меня осталась последняя. Погибнет и эта – новых фиг достанешь, в метро не меняют, в магазинах тоже, один шанс – выклянчить у какого-нибудь прохожего. Отстояв очередь в три человека, прижимаю наконец к уху еще теплую трубку и, не снимая варежки, кручу диск, набирая номер. Гудок. Никого. Снимаю варежку, набираю на всякий случай еще раз, стылый диск липнет к пальцам – то же самое. Ну и пожалуйста! Не больно-то и хотелось. Поеду сейчас домой и буду писать диплом до посинения.

Почему-то домой я не еду, а на «Боровицкой» вместо пересадки иду к выходу, поднимаюсь по эскалатору, переход, выход из метро, толпа, еще один переход, теперь подземный, и я оказываюсь на Суворовском бульваре. Не хочу на Суворовский, вскакиваю в удачно подошедший пятнадцатый троллейбус, проезжаю две остановки и выхожу у Никитских ворот.

Теперь я на Тверском. Из всех московских бульваров я почему-то всегда больше всех любила именно Тверской.

Сколько я на нем гуляла с коляской, Костька учился здесь ходить, а, может быть, эта любовь сохранилась еще со времен моего детства, когда мы часто бывали тут с мамой. Мы жили тогда в самом начале улицы Горького, напротив магазина «Пионер», а после, когда я только вышла замуж, то жила у свекрови на Малой Бронной.

Свекровь моя (я зову ее Таней, а Костька – Татой) и сейчас тут живет, она вообще прожила всю жизнь в одном и том же доме. Даже я за свои двадцать три уже не раз успела переехать из одной квартиры в другую, то есть сначала с родителями, а потом уже сама. Да вообще-то тоже не так много – сперва мы с мужем жили у Тани, а потом уехали в квартиру на «Южной». Это жилье досталось нам просто чудом, у мамы на работе образовался строительный кооператив, она в него вступила, мы поназанимали денег и через год уже въехали, а еще через полгода начались все эти экономические пертурбации, деньги подешевели, а квартиры строиться вообще перестали. Так что нам с квартирой сказочно повезло. Повезло-то повезло, и квартира очень хорошая (и, кстати, как права была мама, отказавшись взять деньги на квартиру у Димкиных родных, хотя они предлагали, а денег нам не хватало; но я разошлась с мужем почти сразу после переезда, и квартира осталась нам с Костькой, а так бы пришлось ее разменивать, ну неважно), квартира отличная, но я сильно тоскую по жизни в центре. Хотя мне сейчас от метро два шага, а в магазинах везде одинаково пусто, но просто гля-

нешь в одно окно – Варшавское шоссе, ветер свистит, вдали горит здоровенными синими буквами надпись «Автобаза», глянешь в другое – чужой дом равнодушно смотрит сотнями окон. Разве это город? Нет, город – это здесь, в центре, тут он живой, настоящий, именно тут его сущность и суть. Дома все разные, и окошки разные, и кажется, что там, за окошками, у всех происходит какая-то такая уютная замечательная жизнь, совсем как в детстве, когда ни проблем тебе, ни забот. Жизнь происходит, а я сижу где-то на окраине с надписью «Автобаза», и даже телефона у меня нет. А может, дело вовсе не в том, в центре или на окраине, а просто мне тоскливо оттого, что я там одна. Вот вернусь сейчас домой, и что? Ребенка и того нету. Определенно не хочу.

Я медленно иду по боковой аллее бульвара, под ногами похрустывает иголочками зарождающийся ледок, поблескивая в желтоватом свете фонарей. Может, все-таки уже наступит зима? Все-таки будет не так уныло, не люблю я позднюю осень, вся она серая, размытая, неясная. А зима – это снег и мороз, все сверкает, можно уехать куда-нибудь в лес, кататься там на лыжах и лепить для Костыки снежную бабу.

Впереди уже светится огнями Пушкинская площадь, бульвар кончается, пришла. Ну и куда мне теперь? Подхожу к автомату возле магазина «Армения», набираю все тот же номер. Никого. Смотрю на часы, времени без двадцати семь, решительно сую в щель последнюю двушку и звоню своей институтской подружке Ляле. Гудок, еще один, трубку сни-

мают.

– Ляль, привет, это я. Вы дома, можно к вам? Я на Пушке, еду, прямо сейчас.

Все, по крайней мере на этот вечер у меня есть приют и компания, мы будем пить чай, петь песни под гитару и трепаться за жизнь.

Домой я возвращаюсь около полуночи. Ко мне с плачем и повизгиванием кидается собака, бедная девочка, сидела тут все это время одна голодная. Бегом выгуливаю ее, кормлю, чтобы не возиться, остатками супа, стелю себе постель в Костькиной комнате – когда я одна, мне там уютнее. Будильник, душ, спать. Собака, пользуясь моим чувством вины, залезает на кровать и возится, пыхтя, в ногах. Пихаю ее пяткой сквозь одеяло, она затихает, и я тоже проваливаюсь в мягкое, теплое облако сна.

СРЕДА, 21 ноября

Сегодня я просыпаюсь без десяти семь сама, безо всяких посторонних вмешательств вроде будильника или той же собаки. Собака, кстати, вообще еще спит, даже похрапывает. Еще бы ей не спать, со мной-то в кровати. Костьки нет, поэтому можно было бы немного поваляться в постели, времени на все хватит – без ребенка я могу собраться мгновенно. Но искушение в кои-то веки самой разбудить собаку пересиливает. Пусть тоже узнает, противная, думаю я, и начинаю ее тормошить. Проснувшись, она, ясное дело, тут же вспоминает, что ей до зарезу нужна прогулка, и далее утро развивается по известному сценарию.

Погода решила временно исправиться, сегодня в виде исключения нет ни снега, ни дождя, небо ясное, солнышко светит. Ночью подморозило, нет противного хлопанья под ногами, и вдоль обочин поблескивает немного снежка. У собаки мерзнут с непривычки лапы, она смешно поджимает их все по очереди, пытаюсь передвигаться на трех ногах. Моим ногам в резиновых ботах тоже не жарко, да и плащ, надетый по привычке прямо на халат, продувается довольно-таки ощутимо. Днем, конечно, будет теплее, весь снег растает и потечет, но все равно, пожалуй, формально уже можно переходить на зимнюю форму одежды.

На самом деле мне ужасно хочется влезть поскорее в зим-

ние наряды, вернее, в зимний наряд. К этой зиме я разжилилась замечательным кроличьим полушубком, жутко красивым – он такой яркий, черно-бело-серый, весь полосатый. Точнее, даже не полосатый, а кусотчатый, то есть весь из кусочков, но если не вглядываться уж очень пристально, то кажется, что полосатый.

Как я им обзавелась – это целая история. В начале лета на даче, перетряхивая сундуки, мама обнаружила среди прочего добра примерно с десятков старых кроличьих шапок-ушанок. Все мужчины в нашей семье носили и носят такие шапки, снашиваются они довольно быстро – года два-три, и шапка приличный вид теряет. Но облезает только края и козырек, а вот донышко и изнанка ушей, как выяснилось, неплохо сохраняются. Выкинуть такую кучу шапок, негодных только наполовину, мамина рука не поднялась, но что с ними делать, тоже было неясно. И тут у мамы родилась очередная гениальная идея. Ее вообще посещает множество идей, которые, будучи воплощенными в жизнь, оказываются вполне гениальными, хоть, может, поначалу и звучат несколько странно, чтоб не сказать абсурдно. Так вот, конкретная идея заключалась в следующем: надо из этих шапок сшить мне одежду на зиму, которой у меня на тот момент не было. На шубу меха явно не хватает, значит, пусть будет полушубок.

Поскольку зимней одежды у меня действительно не было, купить или достать ее негде, а кроличьи полушубки были в моде, эта идея нашла во мне живейший отклик, и я то-

же загорелась. Среди знакомых и родственников была объявлена компания по сбору старых кроличьих шапок (такое добро водится почти в каждом доме), и в короткое время у нас собралось штук сорок шапок разной степени изношенности. Кроме того, у запасливой тети Тани нашлась выделанная кроличья шкурка, снежно-белая и очень красивая. Решено было, что она послужит основным украшением будущей шубы.

Со всем этим пушистым ворохом мы с мамой отправились в кооперативное ателье по пошиву меховых изделий. Такое как раз недавно открылось в центре городка, на краю которого находится наша дача. Мастера в ателье, не избалованные наплывом посетителей, не отказали нам сразу и наотрез, хотя видно было, что идея не привела их в восторг. Нам было дипломатично сказано, что материал-де не подготовлен, работать с ним в таком виде нельзя, что все шапки надо бы распороть, а полученные кусочки перебрать и выстирать. Считая поставленную перед нами задачу практически невыполнимой, мастера вежливо распрощались, приговаривая, какие мы изобретательные и хозяйственные, и в душе надеясь никогда больше нас не увидеть.

Но не тут-то было! Уж если мы с мамой что-нибудь решим, нас так легко не остановить. Следующие три дня наш крохотный участок был практически весь покрыт разноцветными клочьями меха, а посреди всего этого сидели мы с мамой и, прерываясь только на решение неотложных домаш-

них проблем, как-то приготовление пищи, словно заводные распарывали шапки и разбирали кусочки по степени пригодности. Потом еще два дня все хозяйство, аккуратно постиранное, сушилось на чердаке.

Через неделю мы вновь появились на пороге ателье. Мастера, сраженные нашим упорством, заказ приняли, назначив сравнительно низкую цену и месяц срока. В лучших традициях ненавязчивого советского сервиса, даром что с кооперативным лицом, месяц этот сперва растянулся на два, а потом ателье вообще переехало из здания в центре городка куда-то далеко на окраину, в унылое строение на задворках водного коллектора. Но в конце концов, уже ближе к исходу сентября, я обрела долгожданный полушубок. Он действительно получился очень хорош, не зря столько мучились, одна беда: мы забыли про материал на подкладку, и швея поставила туда, что подешевле – сатинчик унылого синего цвета, ни дать ни взять семейные трусы. Но снаружи не видно, а снимать шубку можно аккуратно, не светя подкладкой во все стороны, так что это и не дефект почти. И вот наконец похолодало, и теперь можно ходить в красивой шубе и загадочно улыбаться на завистливые вопросы подруг типа: «Аська, ну где ты вечно такие тряпки шикарные достаешь?»

Под все эти размышления мы с собакой возвращаемся домой, и я, не удержавшись, достаю полушубок из шкафа и примеряю прямо на халат. Здорово! Я остаюсь очень довольна верхней половиной своего отражения в зеркале (нижняя,

где торчит халат, не в счет). Белые полосы меха подсвечивают лицо снизу, золотистые кудри спадают на плечи, щеки после прогулки разругались, глаза горят. Всегда знала, что я хорошенькая.

Между прочим, хорошенькая ты моя, времени без двадцати восемь, чайник на кухне обсвистелся, а ты тут стоишь, любишься...

Быстренько завариваю чай, кидаю в собачью миску какую-то еду и, пока чай стынет, одеваюсь на выход – джинсы и свитер. Перед зеркалом в ванной наскоро рисую себе основные черты лица. Косметикой я пользуюсь минимально, поэтому много времени этот процесс не занимает. Снова в кухню, пью чай и думаю о том, как же хорошо, что я с детства не люблю кофе. Кофе в наше время не найти днем с огнем, а если к нему привыкнуть, то без него никак, вот бы мучилась сейчас... Да и варить его по всем правилам долго и хлопотно.

Ставлю пустую чашку в раковину, мыть не буду, из-за одной чашки руки мочить... Вот наберется побольше посуды, вымою всю сразу. Без Костьки я вообще веду страшно свинский образ жизни, не готовлю, не убираюсь. Как хорошо, что он есть, Костька, это хоть как-то заставляет держать себя в руках.

Уже собираюсь выходить и тут осознаю, что шубка-то, конечно, да, а вот с обувью проблема. У меня есть две пары сапог: новые осенние на высоком каблуке и старые зимние –

я их ношу пятый год, и там уже дырки протерлись. Что надевать сегодня, непонятно – в осенних холодно и, кроме того, скользко, а в зимних мгновенно промокнули ноги, так как днем все растает и будут сплошные лужи. Хорошо было бы купить новые зимние сапоги, да только вот вопрос – где. Ой, может, выдастся полдня свободных, похожу по комиссионкам, хоть какие-нибудь поищу.

А сейчас я, поколебавшись, надеваю старые зимние, с утра все-таки еще не так мокро, ходить весь день на каблуках нелегко, да и просто жалко новые сапоги по грязи трепать. Смотрю еще раз на себя в зеркало – очень, очень неплохо. Сую на всякий случай в сумку шапку – все, пошла.

На работу удалось прийти вовремя, даже чуть пораньше, так что Динин ежеутренний звонок застает меня уже за пишущей машинкой. Вчера была редколлегия, и сегодня у меня полно работы: надо напечатать все рецензии и ответы авторам, пораспихать по конвертам и разослать. Кроме того, на столе лежит стопка неразобранных статей – видно, вчера к вечеру принесли, и Дина не стала с ними возиться. Но это я все спокойно успею, это хорошо, что есть, чем заниматься, хуже, когда текущей работы нет и надо просто сидеть в конторе без дела, отсиживать свое время. Я от этого всегда начинаю выходить из себя – как подумаю, что могла бы в это время сделать и то, и это...

Надо бы, кстати, сегодня после работы остаться, сесть в редакции за компьютер и порисовать графики для диплома.

Нужные данные я вроде все уже ввела, не забыть бы попросить Катю оставить мне ключ в нашем секретном месте – на притолоке двери. Мы с ней часто это делаем, потому что я хожу на работу только через день, а так проблем с возвратом ключа не возникает. Если я построю еще штук десять проклятых графиков, мне хватит материалов для диплома, можно будет написать практическую часть с результатами эксперимента, и наплевать, что начальник просил построить их все – там около шестидесяти, я знаю, что ему нужно для диссертации, вот пусть сам и строит.

С начальником своим – тот еще начальник, даже не научный руководитель, просто аспирант в лаборатории, тридцать пять лет, борода и лысина, поручили ему меня курировать, он и старается – я рассорилась еще летом, когда ходила работать в ФИАН каждый день, благо Костыка с мамой был на даче. Мы ставили эксперимент, шеф попутно пытался ко мне приставать, приглашал к себе в гости видик посмотреть, но успеха не имел. С тех пор он и придирается, поводов у него полно, я просто физически не могу ходить туда четыре дня в неделю, как положено по расписанию. Работа, ребенок, но кого это волнует. А то, что, приходя, я пашу как проклятая, не разгибаясь, за все пропущенные дни, можно не замечать. Вообще в этой лаборатории никто особо не надрывается. Здесь делает диплом еще один парень из моей группы, Саша. Вот он-то как раз ходит каждый день. И весь день играет на компьютере в «Диггера». И считается старатель-

ным, прилежным и хорошим студентом в отличие от меня, лентяйки и прогульщицы. Ничего, вот завтра схожу, получу свой выговор, покажу графики и теоретическую часть, пусть шеф поправит. Мне все это до фонаря, работа у меня уже есть, лучшей не надо, и распределения я не боюсь, вот только диплом защитить, и гори вся эта физика поверхности синим пламенем...

Телефонный звонок. Снимаю трубку, привычно говорю в нее: «Алло, редакция», – и слышу Костыкино удивленное: «Ася, ты что, какая редакция, это же ты?» Болтаю с ним немножко, потом справляюсь у тети Тани, все ли в порядке. У них все хорошо, мама собиралась за Костей сегодня после обеда, и я прощаюсь, успокоенная, что в ее планах ничего не изменилось. Заодно звоню уж и Кате по местному телефону, выясняется, что она собиралась в обеденный перерыв уходить, так что можно повозиться с графиками, не дожидаясь вечера. Постараюсь, вообще все успею сделать, освобожусь пораньше. Обедом, правда, придется пожертвовать, но есть вроде пока не очень хочется, а потом куплю себе какую-нибудь булку в кулинарии.

Тут приходит Дина, я показываю ей отпечатанные рецензии, и она остается довольна. Замечает мой полушубок, хвалит и его тоже. Жалуюсь ей на дурацкую подкладку и, пользуясь ее настроением, спрашиваю, нельзя ли после обеда, если Кати не будет, сходить поработать на компьютере, ведь текущие дела вроде сделаны. Дина милостиво разрешает с

условием, что в четыре я вернусь в эту комнату, а то ей тоже надо уходить. Ура! За три-то часа я точно все успею, даже и начальнику графиков построю, ладно уж, – может, хоть ругать будет меньше.

До обеденного перерыва с рассылкой рецензий покончено, и, раз уж меня отпустили на компьютер официально, решаю сбегать все-таки пообедать в столовую. Надо хоть раз в день съесть что-нибудь человеческое, не всухомятку. Народа там мало, и я успеваю уложиться с обедом в пятнадцать минут.

Три часа работы на компьютере пролетают незаметно. Хотя я и не люблю компьютеры как таковые, строить эти графики мне нравится, по крайней мере я понимаю, что и почему делаю. И результат, как ни странно, получается как раз тот, который я ожидала. Вот пусть только этот бородатый зануда скажет завтра, что все мои теоретические измышления – абсолютная чушь. Хотя, конечно, он всегда найдет, что сказать. Графиков удастся построить и распечатать штук пятьдесят, вместе с таблицами данных получается толстенная пачка, и я решаю не тащить ее домой, а оставить здесь. Все равно завтра ехать в ФИАН по Ленинскому проспекту, как раз мимо редакции, тогда и заберу, крюк небольшой. Отбираю только те листочки, которые пойдут в диплом, – их возьму домой, сразу и подошью.

Возвращаюсь в нашу комнату. Без меня принесли пару новых статей, на что Дина и указывает с легким неудовольстви-

ем. Зарегистрировать две статьи – дело ровно пяти минут, и я молча его выполняю. Дина и сама понимает, что зря ворчала, поэтому, собираясь уходить, она разрешает мне в виде исключения не сидеть ровно до шести, а тоже уйти пораньше, «если не будет посетителей». Посетители после четырех часов заходят редко, а уж после пяти их и совсем не бывает. Я решаю про себя честно досидеть до половины шестого, все равно домой не очень охота, а Игорю – так зовут моего хахала – я опять не могу дозвониться.

Вообще, наверное, пора заканчивать с этим романом. Длится он уже почти два года, начавшись сразу после того, как мы с Димкой разошлись. А если честно, то даже немножко раньше, но не суть важно. В последнее время Игорь упорно зовет замуж, но мне не хочется, хотя он, конечно, очень хороший. Даже слишком. В этом-то, наверное, все и дело. Он такой правильный всегда и во всем, честный, добрый, порядочный, никогда не делает ничего плохого, моет по вечерам посуду без напоминаний и дружит с Костькой, но отчего-то в последнее время эта абсолютная положительность меня раздражает. А если совсем честно, то это последнее время тянется уже довольно давно. Даже ругань с бывшим мужем кажется на этом благополучном фоне чем-то захватывающим. Все-таки я бессовестная. Ведь когда-то именно на эту искреннюю заботу я и клюнула, замороженная и уставшая от ежедневных семейных разборок. А теперь мне острых ощущений не хватает...

Стыдно пудрить мозги и морочить зря голову хорошему парню, но после непрерывного общения с ним в течение трех дней я начинаю тихо лезть на стенку от скуки. А сказать: «Уходи совсем», – мне почему-то жалко. Типичный случай собаки на сене. Игорь, бедняга, конечно, все это видит, но он-то меня действительно любит и еще на что-то надеется. Хотя, наверно, надеяться тут уже не на что. Год назад, если бы я не могла ему дозвониться два дня подряд, я бы уже двадцать раз его разыскала, заехав за ним в институт, где он часами пропадает за компьютером, или позвонив в его альпинистскую секцию. А сейчас я ничего такого не делаю, нет дома – и не надо, несмотря на то, что мне тошно одной по вечерам в пустой квартире. Сам он поймать меня практически не может, телефона нет, а заезжать домой без уговора я не разрешаю, чтобы он не наварлся там случайно на Димку. Нелепо, конечно, бояться бывшего мужа, но тут я ничего не могу с собой поделать. А вдруг я решу с ним когда-нибудь помириться – он же мне в жизни не простит. Подожди-ка, ведь он, в смысле Игорь, мог бы мне при желании сюда, на работу, позвонить. А что это он, в самом деле, не звонит? Прямо интересно. Как я раньше про этот телефон не сообщила?

Будто в ответ на мои мысли, звонит телефон. Я вздрагиваю, хватаю трубку, забыв даже сказать: «Алло, редакция». Но это не Игорь, это Наталья, моя подруга еще со школьных времен. Она звонит с работы в страшном возбуждении:

– Аська, слушай, у нас тут намечается распродажа, сейчас разыгрывают талоны, говорят, может, даже сапоги будут, если тебе надо, я попробую для тебя вытянуть, думай быстреей!

– Господи, что тут думать-то, конечно, надо, я уже год без сапог, слушай, а какие?

– Ничего не знаю, потом перезвоню, – говорит она и отключается.

Я кладу трубку и сижу в легком обалдении. Наташка работает в крупном банке, банки сейчас живут богато, распродажи у них хорошие, чем черт не шутит, вдруг повезет.

Игра в распродажи за последний год охватила практически все московские предприятия. Поскольку в магазинах ничего купить нельзя, то, чтобы люди не разбегались с работы в поисках несуществующих товаров, кто-то из «гениев» управления придумал привозить товары прямо на предприятия и распродавать на месте. В некоторых местах, наоборот, выдают талоны, по которым можно пойти в определенный магазин в строго определенное – с точностью до часа – время и там купить, что дадут. Естественно, для посторонних покупателей с улицы магазинов в это время закрыт. И к тому же, почти никогда заранее не известно, что именно будет на распродаже в этот раз. В любом случае раскупают все, а потом меняются друг с другом, кому что нужно. Вот НИИ, где работает моя мать, уже год только так и живет – сперва все составляют списки очередей на участие в следующей распродаже, потом сама распродажа, а потом народ долго обмени-

вается добычей. Весь институт увешан объявлениями типа: «Меняю черные осенние мужские ботинки 43 размера (распродажа от такого-то числа) на детскую куртку любого цвета 25 размера (распродажа от такого-то числа)». Эта бурная жизнь продолжается до объявления об очередной распродаже, после чего цикл повторяется. Работать при этом, естественно, всем стало некогда абсолютно, зато народ сидит на работе, как пришитый.

У нас в конторе тоже бывают распродажи, но они проводятся в центральном издательстве, это совсем в другом месте, где-то на «Кировской», нашей редакции перепадает оттуда крохи, а уж с моей полставкой рассчитывать и вовсе ни на что не приходится. Неважно, я терпеть не могу всю эту возню, и сейчас тоже, если бы только не сапоги... Тут телефон опять верещит, и уж совсем вздрюченная Наташка кричит в трубку:

– Ну, мать, ты и везучая, я для тебя талон вытащила, их там всего три на отдел было, представляешь, ведь вот если бы для себя тянула, ни за что бы не досталось, а сапоги точно будут, финские, зимние, говорю же, везет тебе, как никому!

– Наталь, подожди, а тебе что, ничего не надо, что ли, может, ты лучше сама?

– Нет, сапоги у меня уже есть, если б не ты, я бы и связываться не стала, я только для тебя в это дело влезла, так что давай бегом, это сегодня в шесть, в универмаге «Сокольники», опаздывать нельзя, сама знаешь, а тебе еще ко мне за

талоном заезжать.

Судорожно смотрю на часы, времени без десяти пять, в Сокольники ехать минут сорок пять как минимум, а до Наташкиной работы тоже минут сорок, причем в другую сторону. Тут я осознаю, что и денег у меня тоже нет, с собой всего рублей двадцать, это смешно, сапоги стоят как минимум сто тридцать, если не все сто пятьдесят.

– Наташ, поезжай сама, я не успею, и все равно у меня денег нет с собой.

– Господи, вот дура-то! У меня есть деньги, я нарочно сегодня четыре сотни взяла, заберешь вместе с талоном, отдашь потом, не ной, только время теряешь, беги!

– Подожди, лучше не так, все равно не успею, я позвоню сейчас Ляле, если она сможет, пусть заберет у тебя талон, ей как раз по пути, и привезет в Сокольники, вдруг у нее и деньги есть, а то мы с тобой видимся раз в сто лет, когда я еще отдать-то смогу.

– Слушай, делай как знаешь, пусть твоя Ляля мне снизу позвонит, я выйду. Жду.

Набираю скорее Лялин номер – к счастью, она дома, все сразу понимает и соглашается. Мы договариваемся встретиться у входа в магазин, я кладу трубку, быстро прибираю на столе, чтоб ничего не валялось, хватаю шубу, запираю дверь и бегу к метро.

Днем снег растаял, сейчас, к вечеру, опять начало подмораживать, с неба сыплется какая-то крупа, а под ногами ка-

ша из мокрого снега. Я несусь, не разбирая дороги, прямо по лужам, и у меня, естественно, моментально промокают ноги. Ну и ладно, а если б на каблуках была? Вообще бы в лужу свалилась.

Когда без десяти шесть я добираюсь до универсама «Сокольники», на улице совсем темно. Фонари горят через два на третий, и то еле-еле. Огромный магазин кажется пустым, свет на первом этаже притушен, и только у дальнего от метро входа толпится народ. Мне, наверное, туда и надо. Подхожу. Это очередь, человек семьдесят. Становлюсь в хвост, спрашиваю у стоящих впереди:

– Вы на распродажу, на какое время?

Все, как и я, на шесть. Уже хорошо. Спрашиваю дальше:

– А вы от банка такого-то?

И натываюсь на недоуменное:

– Нет, девушка, какой еще банк, это распродажа для тех, кто в октябре на картошку ездил.

О Господи, неужели я что-то напутала?! Тут вдруг неизвестно откуда взявшаяся Ляля дергает меня за рукав и шепчет в ухо:

– Молчи, все правильно, Наталья мне говорила, что это как будто за картошку.

Ладно, картошка так картошка, какая разница. Главное, Ляля пришла, талон и деньги у нее, все в порядке. Мы начинаем обсуждать, что хорошо было бы купить, что взять для Наташки и так далее.

Так проходит минут двадцать, морозец вполне заметный, мои насквозь мокрые ноги совершенно заоченели. Хорошо, что шапка с собой была, хоть уши удалось спасти. Не заболеть бы после этого, и зачем только я вообще сюда потащилась... Наконец впереди открывается дверка, толстый милиционер встает в проеме и начинает пропускать по одному.

Когда очередь доходит до нас с Лялей, выясняется, что вдвоем с одним талоном входить нельзя. Расстроенная Ляля передает мне талон и деньги, но я, уже знакомая с этими ментовскими штучками, говорю ей тихо: «Иди туда, где выход, и стой там, я знаю, что делать». Сую талон в нос менту, прохожу мимо него, поднимаюсь по лестнице на второй этаж и через весь длинный зал иду к выходу. Там для таких умных, как я, тоже стоит милиционер, но я, нимало не смутясь, подхожу к нему и очень уверенным тоном заявляю: «Сейчас должна подойти моя сестра, мы с ней в очереди разминулись, и у меня ее талон остался, вот он, – при этом демонстрирую менту свой единственный талон, – пропустите ее, пожалуйста». По лестнице подымается запыхавшаяся Ляля, я хватаю ее за руку, и мы входим внутрь. Мент не произносит ни слова – то ли вообще не понял, что происходит, то ли ему наплевать.

– Ну ты даешь! – только и говорит Ляля, и мы устремляемся в обувной отдел.

Там уже выстроилась очередь, где-то минут на сорок, мы занимаем и отходим побродить по магазину. Пока мы поку-

паем по мелочи то и се (ничего особенного тут и нет – какая-то косметика, кофточки так себе, сумочки), Ляля просит меня уступить ей сапоги, если будет ее размер. Просьба ее оправданна, потому что размер ноги у Ляли нестандартный, сорок второй, и если у меня есть проблемы с покупкой обуви, то у нее их втрое больше, и потом, она мне все привезла... Но, с другой стороны, очень жалко уступать сапоги, они нужны до зарезу, мне просто не в чем ходить, да и мечта была уже так близко... Я бормочу что-то неопределенное вроде: «Там посмотрим», – и мы возвращаемся в свою очередь.

Она уже на подходе, минут через пять мы предъявляем заветный талон, и нас впускают в отдел. Продают сапоги и туфли, на один талон – одна пара обуви. Туфли нам на фиг не нужны, мы прямым ходом кидаемся к сапогам. Чудесные сапоги, австрийские, коричневые, на «манке». Я беру примерять свой размер, Ляля – самый большой из имеющихся. Ляле сапоги малы – вопрос отпал сам собой, а мне великоваты, я беру на размер поменьше. Эти оказываются тесны, я опять беру другую пару. Пока я меряю, Ляля бродит вокруг в слабой надежде обнаружить что-нибудь своего размера. Но вот вожаденные сапоги выбраны, я плачу деньги в кассу и, держа чек и коробку в руках, прохожу на контроль. Продавщица перевязывает коробку, надрывает чек и говорит мне:

– Ваш талон, пожалуйста, – чтобы поставить в нем штамп.

И тут я понимаю, что талона у меня нет. Вот только что был, минуту назад держала в руках, и – нет. Ужас, отразив-

шийся на моем лице, столь явствен, что продавщица жалеет меня, говорит:

– Да не волнуйтесь вы так, отойдите пока в сторонку, поищите спокойно и заберите свою коробку, не найдете – назад поставите, без талона я отпустить не могу, – и подает мне мои сапоги.

Дальше я уже мало что соображаю, помню только, как в замедленной съемке: я судорожно роюсь в сумке, мечусь по отделу, роняя то кошелек, то перчатки, спрашиваю в отчаянии у людей, не видали ли они здесь талона – глупость, конечно, но мне не до размышлений, – а Ляля с нордическим видом ходит за мной, подбирая мои вещи, и даже не пытается ничего говорить. Так проходит минут десять, вдруг каким-то остатком разума я понимаю, что все кончено, талон пропал, но сапоги-то пока не отняли. Вот она, коробка, в руках. В последнем приступе отчаяния я беру ее под мышку, прикрывая, насколько можно, рукавом, и неспешным шагом направляюсь к выходу из отдела.

Я иду медленно, но решительно, молясь про себя, чтобы только Ляля не заорала у меня за спиной: «Ты куда?!» Слегка оглянувшись через плечо, замечаю Лялю, идущую следом за мной и прикрывающую коробку сзади. Господи, какая же она умница, все поняла!

Продавщица на контроле отвлеклась разговором с кассиршей, еще одна на выходе не обращает на нас внимания – тут все с коробками, да и толпа кругом. Мы выходим из обувно-

го отдела и идем через зал к общему выходу, все убыстряя шаг. На лестнице мы пускаемся бегом и, выйдя наружу, продолжаем бежать. Мы несемся, тяжело пыхтя, по неосвещенной улице, и только на полпути к метро, видя, что никто не гонится вслед и не свистит, останавливаемся передохнуть, и тут я замечаю, что у меня в руке зажат надорванный чек.

– О Боже, Ляля, – говорю я, – смотри, я же за них заплатила! Вот, сто тридцать пять рублей. Значит, я их не украдала?! Какого черта мы так несемся?

Мы хватаем друг друга за руки и начинаем хохотать, как ненормальные, всхлипывая и завывая от смеха. Кажется, на нас оборачиваются прохожие. Отхохотавшись, мы продолжаем путь к метро, взяв обсуждая подробности происшедшего. Часть пути нам ехать вместе, так что мы продолжаем вспоминать, уже сев в полупустой по позднему времени поезд.

– А я смотрю, – рассказывает Ляля, – ты пошла к выходу. Ну, думаю, совсем с горя спятила. Только хотела крикнуть, хорошо, сообразила вовремя – и за тобой.

– Я так боялась, что ты заорешь, тогда бы все. Какие же мы с тобой дуры, неслись потом, будто вправду украли...

– Между прочим, я убеждена была, что украли, ужас. Довели нас с этим талоном до ручки, уже сама не знаешь, что где. Ладно, я выхожу на следующей, счастливо. Ты давай осторожней, не потеряй ничего, а то, я вижу, ты до сих пор еще не в себе.

Ляля выходит, а мне осталось две остановки до пересадки, и там еще... Весь остаток пути я крепко прижимаю к себе коробку. Купила все-таки, новые, такие красивые, теплые, удобные. Как жалко, что дома нет телефона, даже не рассказать никому, не поделиться радостью. И Наташке надо спасибо сказать. И денег я кому-то из них должна, даже не спросила в суматохе. Ничего, завтра найду где-нибудь телефон, а сейчас прямиком домой, приходить в чувство.

Когда я открываю свою дверь, в квартире почему-то горит свет. Я даже не успеваю ничего сообразить и испугаться, как из кухни выходит Игорь. (У него тоже есть мои ключи, я как-то дала ему на всякий случай, надо вообще-то забрать.) Но сейчас я страшно рада, мне просто необходим слушатель, он даже не успевает спросить, где я была, как я обрушиваю на него всю сагу о сапогах. Я триумфально тащу коробку в комнату, распаковываю, примеряю и при этом не закрываю рта. Собака возбужденно носится вокруг, сует нос то в коробку, то в сапог. Она-то всегда чувствует мое настроение, лапочка, все понимает и разделяет, нет бы Игорю так, но от него разве дождешься... Спокоен, как удав.

– Ненормальная, – говорит он мне ласково. – Ну купила, и замечательно, хорошие сапоги, но нельзя же так.

Ты успокойся, пойди хоть чаю попей, там чайник горячий. Может, поешь чего-нибудь?

Есть я не хочу. Игорь наливает мне чаю, но я не пью, я все еще переживаю случившееся вслух. Нет, ни одному мужику,

даже самому лучшему, этого не понять. Ведь я купила сапоги! Я их столько искала, столько мечтала... Ходила почти босиком. Так настрадалась в этом магазине, а тут какой-то чай.

Внезапно я как-то сразу ощущаю сильную головную боль и общую усталость. Меня начинает знобить и тряссти, испуганный Игорь приносит градусник, сую его под мышку – 38,2. Так и есть, заболела, не прошли мне даром мокрые ноги. Я сразу же съедаю две таблетки анальгина, влезаю в теплую пижаму, халат и шерстяные носки. Ну никак нельзя заболеть, завтра кровь из носу надо в ФИАН. Ох, черт, ведь еще и с собакой гулять...

Добрый Игорь сам выходит с собакой. С его стороны это просто гражданский подвиг, он мою собаку терпеть не может. Она была куплена, невзирая на громкие протесты с его стороны, и он поклялся никакого участия в собачьей жизни не принимать. Сам он страшный кошатник, но при этом все равно хороший человек. И чего мне еще надо?

Анальгин действует, озноб понемногу утихает, но в висках стучат молоточки, и перед глазами мелькают белые искры. Еще, наверное, и давление поднялось. Все-таки, скорее всего, это не простуда, а стресс от пережитого. Если так, то ничего, до завтра пройдет, надо просто лечь скорее спать, и все.

Игорь возвращается, я делюсь с ним своими предположениями. Он соглашается, что такое запросто может быть, в

стрессах он, будучи альпинистом, кое-чего смыслит. У него, правда, в голове не укладывается, как можно добиться стресса простым актом покупки сапог, но рецепт во всех случаях один – расслабиться, согреться и постараться заснуть. Я ухажу в Костькину комнату, не зажигая света, снимаю халат и забираюсь в неубранную с утра постель – вот как хорошо не быть излишне аккуратной, а то возиться бы пришлось. Собака, мокрая и холодная после прогулки, тоже тут как тут. «Ну и денек», – успевает еще пронестись в голове последняя на сегодня мысль, и я блаженно отключаюсь.

ЧЕТВЕРГ, 22 ноября

Я как-то очень славно просыпаюсь, медленно, постепенно, блаженно потягиваясь с закрытыми глазами, не то что обычно – толчок и все, как будто и не спала. И сны снились хорошие, жаль, не помню о чем, знаю только, что хорошие. Они даже еще не до конца разлетелись, вот бы поймать их и досмотреть, но я зачем-то приоткрываю глаз и бросаю взгляд на часы. Без четверти восемь! Катастрофа! Опоздала! Вся благостность мигом исчезает, я вскакиваю с постели, как ошпаренная, и мчусь в ванную.

Под душем до меня вдруг доходит, что никуда я, собственно, и не опаздываю, я же сегодня не работаю, сегодня надо в ФИАН, а туда можно прийти хоть в одиннадцать, раньше в лаборатории все равно почти никто не появится. И вообще надо еще посмотреть, может, я все-таки заболела вчера. Вслушиваюсь в свой организм повнимательнее, вроде бы все в порядке. Горло не болит, насморка нет... А сапоги вот у меня теперь есть! Сейчас одену и в новеньких пойду!

Вылезаю, воодушевленная, из ванны и иду смотреть в окно – оценивать климатические условия. На улице снова ясно и холодно – минус пять. В плаще на халатик уже не погуляешь, надо придумывать что-то более основательное. Не мучаясь долгими раздумьями, надеваю джинсы и старый свитер – тепло, и переодеваться потом недолго. Опять же, и при

мужике в халате не ходить.

Игорь крепко спит в большой комнате, я заглядываю туда тихонько, но будить его мне жалко, пусть поспит пока. Вернусь с прогулки, тогда разбужу, ему вроде бы тоже опаздывать некуда, на лекции он не ходит, а компьютер может и подождать. Здорово я вчера продинамила беднягу со своими сапогами, но, с другой стороны, не нарочно ведь...

Новые сапоги одевать на прогулку с собакой все-таки жалко, влезаю в старые, сырые после вчерашнего. Естественно, напрочь забыла сунуть их вечером на батарею. Собака нетерпеливо топчется по прихожей, отпихиваю ее в сторону, чтоб не мешалась, и открываю дверь, стараясь по возможности не скрипеть. Тщетно. Не скрипеть моя дверь не может в принципе, а уж если в доме кто-то спит... Как будто нарочно. Смазать бы ее надо, может, на выходных соберусь и сделаю, масло постное есть... Конечно, дверь лучше бы машинным смазывать, но где ж его взять? Про мужиков я вообще молчу – как в доме толпиться, так кучами, а как дверь смазывать, так нет, все самой приходится...

На улице хорошо, легкий морозец бодрит, я иду, не спеша, вокруг дома, похрустывая снежком, а собака деловито шныряет по газонам туда-сюда. Если такая погода достоинит до субботы, надо будет выбраться с Костькой в лес погулять. Может, в Коломенское или еще куда-нибудь. Игоря тоже можем позвать, если он не уедет на свои очередные альпинистские тренировки. А и уедет, не беда, позовем Димку. Да нам

с ребенком и самим неплохо. Собаку возьмем – и отлично. А то мужиков этих потом не прокормишь, сожрут, нагулявшись, всю еду в доме на неделю вперед...

Когда мы возвращаемся, из ванной слышен шум воды – разбудили-таки Игоря при уходе. Раз ванна занята, собака остается грязной. Она, впрочем, этим обстоятельством весьма довольна, бежит на кухню, оставляя за собой по всему коридору следы лап, и гремит оттуда своей миской, напоминая мне о более насущных вещах.

Я тоже прихожу на кухню, ставлю чайник и начинаю сообщать, из чего бы такого сделать Игорю завтрак. Самой-то мне вполне достаточно чашки чая, но мужиков надо с утра кормить. Эта истина намертво вложена в меня мамой. С детства. В ее версии, правда, это относилось ко всем домочадцам, но я со временем есть по утрам отвыкла, а других баб в моем доме не водится, если не считать собаки. Ее-то я раньше всех кормлю – поди не покорми такую.

Можно, конечно, поджарить яичницу с сосиской, но жалко сосиску, да и яиц осталось четыре штуки – для Костьки хватит еще на неделю, а если сейчас скормить Игорю пару яиц, то в субботу придется вместо гулянья тащиться на рынок. Перетопчется. Ни сыра, ни творога тоже нет, что же такое придумать-то? О, сварю овсянку. Вот узнаю только на всякий случай, будет ли он ее есть.

Игорь как раз появляется в кухне, здоровается и спрашивает, как я после вчерашнего.

На овсянку он согласен, он вообще непривередлив в еде, я, например, такую пакость, убей меня, по доброй воле есть бы не стала. Я не терплю каши с детства. Тогда каждое воскресное утро начиналось с овсянки – в будние дни маме было некогда готовить завтрак, она спешила на работу, а мы (папа, сестра и я) ели что придется, бутерброды или яичницу (яичных проблем тогда почему-то не возникало), зато в воскресенье каша была неизбежна, как небесная кара. Костыке я каш не варю, только гречневую, а овсяную крупу держу в доме исключительно для собаки. Ну и для Игоря.

Пока я варю кашу, помешивая, чтобы не подгорела, мы обсуждаем грядущие планы. На выходные Игорь собирался поехать тренироваться в Царицыно, лазать там по стенкам до посинения, я так и предполагала, поэтому даже не огорчаюсь. Кроме того, у него новая идея – в конце января, сразу после сессии, они, оказывается, решили сходить в лыжный поход на Белое море недели на две и уже сейчас начинают активные сборы.

Сборы в поход – жуткий процесс, в ходе которого по всей Москве собираются по знакомым или добываются иными правдами и неправдами разнообразные палатки и примуса, каны и котелки, рюкзаки и скатки и прочее снаряжение. Все это сваливается в кучу посреди той квартиры, которая назначена общей базой, параллельно закупается необходимое продовольствие и складывается в шкафы и холодильники той же квартиры. И в довершение всего то оборудование, ко-

торое нельзя достать, изготавливается (шьется из парашютного шелка или сваривается из металла, как повезет) прямо на месте.

Года полтора назад, на заре нашего романа, будучи влюбленной и неопытной, я сдуру согласилась устроить в своей квартире основную базу. Мне, видите ли, хотелось таким образом достичь понимания и слияния душ, сама-то я в походы не хожу. Хорошо, что это было летом, хоть Костыка был на даче. Я даже ничего не говорю о том, что месяц по квартире шастали загадочные бородатые личности в брезентовых куртках, что не умолкала швейная машинка и что я неоднократно набивала себе синяки о странные металлические предметы типа ледорубов, только «гораздо лучше, это же принципиально другая конструкция», – к этому всему я была морально готова, да и Игорь предупреждал о легких неудобствах. Но когда после их отъезда по всей квартире остались масляные пятна на полу, мелкие клочья капроновых ниток на стульях, диванах и одежде и стойкий бензиновый запах, я сломалась. Особенно запах меня достал. Нитки за месяц Игорева отсутствия почти все удалось изничтожить, но вонять бензином не стало меньше ничуть. Происхождение вони вернувшийся Игорь объяснил так: «Ну, перебирали примус, разлили немножечко, впиталось, конечно, да ерунда, уже ведь и не пахнет почти».

Потом было еще несколько походов, но тут уж я, плюнув на слияние душ и репутацию «своего парня», защищала

квартиру, как лев. Игорь, впрочем, не очень настаивал, известно, что, как правило, человек, не будучи сам походником, может вынести «серьезные сборы» только единожды.

Поэтому, едва заслышав о сборах в очередной поход, я на автомате выпаливаю:

– Только не у меня.

Игорь, недоуменно подняв глаза, отвечает:

– Да не волнуйся, что ты сразу так дергаешься, никто и не собирался у тебя, мы уже назначили базу у Шурика, у него родители не такие нервные.

Поскольку основная напасть миновала, я начинаю рассматривать грядущий поход уже с других позиций и более спокойно, одновременно накрывая на стол. Опасно ли это? Не более, чем прочие походы, и даже менее, так как тут не по горам лазать, а на лыжах по равнине идти. Тут я понимаю, что все это придется по времени как раз на мою защиту диплома, и спрашиваю Игоря, какого черта, я ведь просила его мне помочь. Со временем будет страшная напряженка, лишние руки нужны как никогда, и вообще ответственный момент. Но про мой диплом Игорь благополучно забыл, а сейчас что-либо переносить уже поздно – компания собралась, раскладку сделали, билеты заказали. Он предлагает мне перенести защиту диплома на попозже – дескать, сейчас я иду в первых рядах, а можно попроситься в конец списка и выйти на защиту с другой группой. Студентке с ребенком деканат должен пойти навстречу.

Объяснять в двадцать пятый раз, что уже с первого февраля я буду работать на целую ставку, и это для меня существенно – с нового года перестают платить стипендию, а, значит, защититься надо обязательно успеть в январе, не хочется. Мне лично мой диплом кажется важнее любого каникулярного развлечения, но об этом не раз говорено, и если в решающий миг все было забыто, то повторять бессмысленно, и вообще, ну его к черту с его походом.

А кроме того, уже все равно пора выходить из дому, поэтому я молча ставлю чашку в раковину и иду собираться. Так, свитер передела, лицо нарисовала. Что надо взять с собой, чтобы предъявить шефу как свидетельство своих непрерывных научных бдений? Захожу в большую комнату и собираю с письменного стола уже написанные части диплома, черновики, особенно те, где теоретические выкладки, – что-то мне про них сегодня скажут. Графики заберу из редакции по пути, а еще из сумки надо вынуть те, что я вчера принесла, но их как раз брать не стоит, а то шеф враз изымет, это самые красивые, так, что еще – ручка-карандаш, тетрадка, она же дневник проведения работ, студбилет, вроде все. А, чуть не забыла, надо взять денег на всякий случай, вдруг удастся отдать девчонкам долг.

Из кухни слышен шум льющейся воды – это Игорь моет посуду, как же, такой непорядок, оставлять в раковине немытую. Заглядываю в кухню, спрашиваю:

– Ты идешь, а то мне уже пора?

Он кивает, выключает воду и тоже идет собираться.

Мы выходим вместе, ехать нам тоже в одну сторону, до «Октябрьской», там я сяду на троллейбус и поеду дальше по Ленинскому проспекту, а Игорь пойдет в наш институт, до которого два шага. Я никогда не любила Ленинского проспекта, хотя вся моя сознательная жизнь проходит на нем – институт, редакция, даже диплом в ФИАНе. ФИАН, впрочем, возник на моем жизненном пути случайно: после рождения Костыки я уже не могла часто ездить в Подмоскowie, в НИИ, где начинала заниматься научной работой, пришлось искать место в Москве. Знакомый моего бывшего научного руководителя возглавляет в ФИАНе лабораторию, сюда-то меня и удалось пристроить на диплом. Всю работу пришлось начинать сначала, новая тема оказалась не очень интересной, но к тому времени я уже поняла, помыкавшись по разным местам, что никакая аспирантура и научная карьера мне с малышом, да еще без мужа, не светят, и начала искать работу где-нибудь в прикладных сферах. И неплохо, между прочим, получилось.

По дороге Игорь на все лады уговаривает меня перестать дуться из-за похода, и на подъезде к «Нагорной» это ему удастся. Мы договариваемся, что, когда я сегодня освобожусь, зайду за ним, и мы сходим в Дом художника на Крымском валу. Там сейчас выставка японской керамики, Ляля уже была на ней и очень хвалила. А еще Игорь клянется придумать новую теорию для диплома, если мою сегодня забракуют.

За разговорами мы доезжаем до «Октябрьской», выходим из метро, Игорь сажает меня в троллейбус, целуя на прощанье, и бежит к зданию института.

Забрав по дороге графики из редакции и удачно увильнув в троллейбусе от контролера, я подъезжаю наконец к остановке «Магазин „Москва“», перехожу Ленинский и медленно иду к парадному входу ФИАНа, обдумывая очередные планы проникновения внутрь. Дело в том, что ФИАН – институт секретного режима, система пропусков здесь очень суровая, и для человека со стороны получить постоянный пропуск – занятие на несколько месяцев. А мне всего-то нужно было проработать здесь чуть больше полугода, так что с пропуском никто и возиться не стал. Сотрудники лаборатории показали мне дырку в заборе, она, правда, довольно далеко, и идти к ней – большой крюк. Так что я придумала для себя несколько способов проникновения через главный вход, а дыркой пользуюсь в крайних случаях. Начинаю я с того, что с уверенным и независимым видом иду через проходную мимо вахтера, что примерно в половине случаев удастся без осложнений. Если все же останавливают, показываю в окошко студенческий билет. Если вахтер попался бдительный, то я делаю круглые глаза и говорю кодовую фразу: «Я же в сегодняшнем списке». За все это время списки вахтер проверял только дважды, причем один раз ухитрился-таки найти мою фамилию в списке приглашенных академиков (я, честное слово, тут ни при чем), а в другой раз, правда, все

же не пустил. Пришлось через дырку лезть.

Сегодня я попадаю на территорию с минимальными затратами и, поплутав по задворкам в поисках дорожки почище – не пачкать же новые сапоги, вхожу в полуподвал, где расположена наша лаборатория.

Поскольку времени только начало одиннадцатого, в ней почти пусто. Всего два человека сидят за компьютерами и режутся в «Диггера», судя по довольно противненькой мелодии, звучащей почти синхронно из обоих углов. В одном из играющих я узнаю Сашу, своего одноклассника, сгорающего таким способом на ниве научной работы. Пользуясь ранним временем, занимаю себе рабочее место – стул и угол стола. В крохотном помещении лаборатории работает человек пятнадцать (сколько точно, я не знаю, всех одновременно никогда не бывает), поэтому пространство и инструменты для работы – вопрос весьма актуальный. По лаборатории ходят слухи о выделении двух новых комнат, но я-то точно их уже не увижу.

Спрашиваю у Саши на всякий случай, не видел ли он Лёню, моего шефа, хотя ответ знаю заранее. Ну что ж, пока его нет, можно сделать еще раз измерения тех образцов, данные которых не ложатся на общие кривые. Сверяюсь с таблицами данных и своими графиками, достаю из ящика коробки с образцами, отбираю нужные и начинаю отлаживать измерительную установку.

В двух словах суть работы состоит в следующем: в обра-

зец, кремниевую пластинку с очень ровной поверхностью, размером в квадратный сантиметр, имплантируются галогенные контакты разной глубины проникновения. Контактных на пластинке примерно шесть, а на некоторых и все десять. Я измеряю электропроводность в каждом контакте и смотрю, как она изменяется в зависимости от различных параметров. Потом обрабатываю результаты измерений, строю графики и делаю выводы. Делать выводы, впрочем, не столько моя обязанность, сколько Ленина, мое дело – образцы. Образцов восемьдесят шесть штук, на каждом по шесть контактов, и все их я перемерила вручную по несколько раз, а наиболее удачные измерения – обработала. Но шеф Леня все равно считает меня лентяйкой и выводами делиться не хочет. Может, у него их и нет еще, выводов, ему спешить некуда, он свою диссертацию уж какой год пишет, но диплом-то мне надо уже сейчас сдавать. Поэтому я, не дождавшись, выводы написала сама, не понравится шефу – пусть покажет свои, обижаться не стану.

К половине двенадцатого я успеваю перемерить несколько образцов и кое-где даже отыскать ошибки предыдущих измерений, но тут появляется Леня. Быстро, пока он снова не удрал в какую-нибудь соседнюю лабораторию, подхожу к нему и, едва дав ему снять куртку, сую свои листочки, не обращая внимания на его ехидные замечания вроде: «О, какие люди к нам сегодня пришли!» Но все же он садится на мое место – других свободных к этому времени не осталось

– и начинает читать со словами: «Ну посмотрим, посмотрим, что у тебя тут».

Он быстро просматривает мои записи, возвращается к началу, читает еще раз, потом опять перелистывает назад, а брови его лезут все выше, и в конце концов он подымает на меня слегка округлившиеся глаза и спрашивает строгим голосом:

– Признавайся, кто тебе это написал?

– Никто, Леня, я сама, третьего дня.

– Не ври, этого не может быть, я же вижу. Я не буду ругаться, что ты списала, только скажи, у кого.

– Господи, да правда же, я сама, а что, собственно, ты там такое увидел? У меня и графики похожие получились, показать?

Лезу в сумку, достаю графики, и начальник погружается в рассмотрение, сортируя листы на несколько стопок. Его подозрения в мой адрес не совсем беспочвенны, я действительно приставала и к Димке, и к Игорю, и даже к собственному отцу с просьбами подогнать теоретическую базу под мои эксперименты, ведь они все-таки физики-теоретики, им и карты в руки. Но никому неохота было разбираться в этой горе данных и вникать в посторонние детали, так что в результате я все написала сама, честнее некуда.

Тут Леня берет часть графиков со словами:

– Вот эти, кажется, дельные, я их возьму, – задумывается на секунду и добавляет: – Да, и дай мне этот свой текст, надо

дома еще разок просмотреть в более спокойной обстановке.

Графиков не жалко. Те, что мне были нужны, я и не приносила, а вот текст я отдавать не хочу. Я уже догадалась, что по счастливой случайности моя теория оказалась правильной, и боюсь, что Леня записей не вернет, а воссоздать это еще раз мне почти наверняка не удастся. К тому же, если все правильно, я бы больше сюда и не таскалась, подписала бы потом диплом у завлаба – моего формального руководителя, и все. Так что отдавать бумажки я отказываюсь наотрез. Леня сердито пожимает плечами, говорит:

– Ладно, подожди здесь, – берет листочки и уходит, как я догадываюсь, на ксерокс в секретариат. То-то же, а то все умные такие.

Пока он ходит, я продолжаю обрабатывать дефектные образцы, но уже с меньшим старанием. Через сорок минут вернувшийся Леня кладет передо мной мои листки и в ответ на вопрос, можно ли это переписывать в диплом, бурчит что-то неразборчивое. Расценив эту его реакцию как положительную, я задаю следующий вопрос: а какие, собственно, у него на меня дальнейшие виды и надо ли нам еще встречаться до защиты диплома. Ответом служит очередное пожатие плеч и издевательская тирада о том, что, конечно, таким занятым особам, как я, не до занятий наукой, и что он не смеет более настаивать... В конце концов я решаю, что с меня хватит, сколько уж можно-то, я, конечно, не образец прилежания, но все-таки работу как-никак сделала, вон даже выводы сама

себе написала, да и ему, глядишь, кое-что пригодится... Я встаю, складываю образцы в кучку, сухо говорю:

– До свидания, приятно было с вами сотрудничать, – беру свои вещи и ухожу.

Озадаченный Леня замирает посреди лаборатории с разинутым на полуслове ртом, а потом бежит за мной со словами:

– Эй, подожди, куда ты, ты что, обиделась?

Еще бы, кто же ему теперь все остальное-то будет доделывать...

От Лени я решительно, хотя все-таки, по-моему, достаточно вежливо избавляюсь уже во дворе, не поддаваясь на его извинения и заверения, что вообще-то я работаю и сообщаю хорошо, только приходить могла бы почаще, вот он и сердился в воспитательных целях. Тоже мне, Песталоцци, а то я без него не догадывалась, что я еще не совсем потерянный член общества. Под конец я отказываюсь от предложения встретиться как-нибудь на нейтральной территории за чашкой кофе, машу на прощанье рукой и быстро удаляюсь в направлении выхода. Ф-фу, неужели все это кончилось, да еще так относительно быстро и безболезненно? Теперь хотя бы одной заботой меньше.

Ну что ж, да здравствует свобода! Теперь сам Бог велел зажить культурной жизнью. Вскликаю в удачно подошедший троллейбус и опять еду вдоль длиннющего, столь нелюбимого мною Ленинского проспекта в обратную сторону.

Мой институт, куда я как раз направляюсь, расположен в

самом его начале. Высоченное здание на тоненьких ножках, повернутое, как та избушка, «к лесу задом». Это не шутка, на полном серьезе: здание строилось по проекту архитектора, который жил где-то далеко и в процессе строительства не участвовал. Впервые создатель увидел свое детище только уже в построенном виде. И упал в обморок – здание водрузили фасадом во двор.

Я, правда, не понимаю, чего уж он так убивался, этот архитектор. Честно говоря, предполагаемый фасад ничуть не лучше существующего. Ну чуть больше на нем бетонных выступов – большое дело. Главное, ножки-то сохранились. Еще учась на первом курсе, мы с друзьями от большой любви к альма-матер все мечтали как-нибудь ночью их подпилить...

Поднявшись на одиннадцатый этаж своей «альмы матер», как говорит Костька, я захожу в компьютерную лабораторию, в которой Игорь проводит все свое время, не связанное так или иначе с походами. Когда он учится и как умудряется сдавать сессии на отлично, для меня остается загадкой. Но как раз сейчас в виде исключения его тут нет, а тетка, которая блюдет порядок в комнате и Игорем совершенно приручена, сообщает, что он вышел полчаса назад, но обещал вернуться. Я решаю подождать здесь, а потом сходить вместе с ним пообедать в столовку, тем более что на столе у тетки замечаю телефонный аппарат. На просьбу позвонить хранительница порядка реагирует довольно неожиданно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.